

Иллюстрированный Журнал Литературы Политики и Современной Жизни.

XIV годъ

№ 29

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1
Mark. 70 Pfen. для
загран.) за строку
конпарейль (въ 1/4
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кромѣ
воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Безъ доставки въ
Петербургѣ ... 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургѣ ... 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. ... 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи. 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. иногороднмъ 3 р.

Каждый новый подпісч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особья приложе-
ния при „НИВѢ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
ионг. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

Н. И. Либерихъ.

Кому не доводилось видѣть на выставкахъ разные группы, лѣпные работы, исполненные большихъ художественныхъ достоинствъ, полная жизни, изящества и вкуса, изъ коихъ многія получили большое распространеніе въ безчисленныхъ чугунныхъ отливкахъ, и кто не зналъ имени автора ихъ — Николая Ивановича Либериха.

Подобно многимъ другимъ художникамъ, покойный готовилъ себѣ сначала совершенно къ другой дѣятельности. Первый периодъ своей жизни пашь скульпторъ провелъ въ военной службѣ.

Н. И. родился въ Петербургѣ въ 1828 году. Окончивъ воспитаніе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, онъ вышелъ въ офицеры въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ и пробылъ тамъ до 1858 г., затѣмъ перечислился въ Лейхтенбергскій гусарскій полкъ и въ 1859 г., въ чинѣ полковника, вышелъ въ отставку. Онъ былъ страстный любитель лошадей, собакъ, охоты, рыбной ловли и талантъ его обратился къ воспроизведенію всего этого, ибо склон-

ность лѣпить проявилась у него съ самого ранняго возраста. Онъ глубоко изучилъ формы животныхъ; всѣ его, даже самыя раннія, произведенія поражаютъ такою правдою и законченностью, что невольно обращаютъ на себя вниманіе даже людей малопонимающихъ въ искусствѣ. Въ 1858 г. Н. И. познакомился съ известнымъ скульпторомъ Клодтомъ и сопелся съ нимъ близко, хотя ученикомъ его никогда не былъ. Клодтъ горячо совѣтовалъ ему поступить въ Академію, что художникъ пашь и исполнилъ. Всего черезъ четыре мѣсяца Либерихъ получилъ уже за первую работу свою „Мазепа“ присужденную ему единогласно серебряную медаль; за группу „Смерть Ржевусского“ назначенъ онъ былъ почетнымъ вольнымъ общникомъ, а за охотничью группу въ 1860 году признанъ Академикомъ.

Несмотря на такое быстрое и единогласное признаніе въ немъ неоспоримаго таланта, Либерихъ былъ такъ скроменъ, что съ трудомъ согласился отправить нѣсколько охотничихъ группъ на Лон-

Академикъ Н. И. Либерихъ. † 29 Мая. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

допскую выставку 1862 г. Въ первый же день этой выставки всѣ группы были проданы и получены были заказы на новыя отливки этихъ произведеній.

Во всѣхъ иностранныхъ, а затѣмъ и русскихъ газетахъ, стали писать о Либерихѣ, слава его росла и въ 1865 г. онъ получилъ предложеніе соизуствовать въ Бозѣ Почившему Государю на Его охотахъ. Въ продолженіи почти двухъ лѣтъ, участвуя въ этихъ охотахъ и изучая ихъ, Н. И. дѣлалъ превосходныя, жизненные группы „Случай съ Государемъ на охотѣ“; „Медвѣдь и охотникъ“ и др. Кромѣ этого, онъ выставилъ также замѣчательныя группы: „Самоѣдъ съ оленями“, „Охота на оленей“ и друг.; къ охотничьимъ же группамъ принадлежитъ его послѣдняя работа „На волка“. Эта группа отлита была весьма недавно и теперь находится на Амстердамской международной выставкѣ.

Изъ произведеній Н. И. большихъ размѣровъ, укажемъ на его „Царицу Амазонокъ“, въ треть настоящей величины. Сюжетъ взятъ изъ эпизода о борьбѣ Ахиллеса съ прекрасною царицею Амазонокъ. Она смертельно ранена въ грудь, страданіе исказило лицо ея; поводья брошены, конь шарахается назадъ и прелестное тѣло готово скользнуть на землю. Кромѣ этихъ и множества другихъ произведеній, всѣмъ известны работы его по заказамъ разныхъ полковъ, для поднесенія этихъ подарковъ Государю, командирамъ полковъ и т. п. Всѣ эти

работы отличаются блескомъ, изяществомъ, жизненностью и глубокимъ изученіемъ лошади. Послѣдней работой покойного художника была группа, заказанная княземъ Болгарскимъ для поднесенія нынѣ царствующему Государю Императору. Аллегорическая группа эта выполнена съ присущимъ талантливому скульптору изяществомъ и совершенствомъ. Отдельно вещи Либериха появлялись рѣдко. Это были большою частью этюды съ натуры—Н. И. Либерихъ, можно сказать, создалъ у насъ этотъ жанръ мелкой скульптуры. Лѣпилъ онъ большою частью изъ воска,—композиція, составленная особымъ образомъ; лѣпилъ и изъ глины. Чистота, детальность, законченность его работъ, всегда были таковы, что до равныхъ ему достоинствъ не доходилъ ни одинъ изъ его подражателей и послѣдователей.

Произведенія Н. И. отливались большою частью изъ бронзы, иногда изъ серебра; послѣдняя работа, по заказу князя Болгарского, изъ чистаго золота (1 пудъ). Въ продажѣ нерѣдко встречаются его произведенія; они распространены даже въ Сибири, въ Средней Азіи и, странно прибавить, всѣ они сдѣланы безъ позволенія художника и передаютъ его часто уродливо и невѣрно. Такъ мало еще уважается и понимается художественная собственность и такъ мало, повидимому, самъ художникъ заботился о ней...

Н. И. Либерихъ скончался 29 сего мая мѣсяца.

СТАРЫЙ ДОМЪ. (Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволод Соловьевъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XVII.

Первые шаги.

Борисъ выѣхалъ изъ дома генеральши очень смущенный и взволнованный; но скоро сѣумѣлъ себя успокоить.

Онъ въ мельчайшихъ подробностяхъ вспомнилъ вчерашнюю свою встрѣчу съ Ниной, затѣмъ сегодняшнее странное объясненіе и не могъ не прійти къ уѣждѣнію, что отчаяваться ему нечего и нечего ждать для себя дурного. Онъ съ дѣтства искалъ въ жизни и видѣлъ многое такое, чего не искали и не видѣли окружающіе его люди. Онъ давно увѣрилъ себя въ томъ, что въ судьбѣ человѣка дѣйствуютъ какіе-то особенные, высшіе, мистические законы, передъ которыми ничто человѣческая воля, человѣческая логика и всѣ хитрости разума.

Ему казалось, что онъ уже не разъ имѣлъ исопровержимыя доказательства существованія высшаго предопределѣнія. Онъ давно уже рѣшилъ, что Нина суждена ему и до сихъ поръ терпѣливо ждалъ встрѣчи съ нею.

И вѣдь вотъ онъ былъ правъ. Свиданіе наступило и оказалось именно такимъ, какимъ онъ ожидалъ его. Съ первыхъ же словъ Нины онъ уѣдился, что надъ ними обоими дѣйствуютъ эти высшіе законы и что Нина понимаетъ это точно также, какъ и онъ.

Еслибы эта встрѣча была случайная, не неизбѣжная, не предопределенная, развѣ Нина такъ бы отнеслась къ нему. Вѣдь столько прошло времени! Вѣдь она тогда была еще ребенкомъ и давно могла бы забыть его, встрѣтить какъ посторонняго человѣка. Но она этого не сдѣлала.

Прошли годы, и какіе годы—самые важные въ жизни человѣка, во время которыхъ въ человѣкѣ измѣняется все, такъ что онъ является иногда совсѣмъ неузнаваемымъ, совсѣмъ новымъ существомъ, причемъ отъ прежняго не осталось даже нетолько ничего внутренняго, но и внѣшняго,—и не смотря на это, они встрѣтились, какъ будто ихъ разлука была кратковременной разлукой, какъ будто съ послѣднаго свиданія они не превратились изъ дѣтей въ взрослыхъ. Какъ будто не пережили, каждый со своей стороны, цѣлаго длиннаго ряда самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, которыя не могли же не оставить въ нихъ отъ себя следовъ. Что бы ни говорила Нина, но даже самая эти непонятныя фразы, ея волненіе, ея ужасъ показываютъ, что Борисъ

ей близокъ, что между ними, даже помимо ихъ воли, существуетъ самая тѣсная и неизбѣжная, главное—неизбѣжная связь.

„Если бы даже она кого нибудь безъ меня любила, думалъ Борисъ,—то и это не можетъ стать между нами преградой, потому что это не любовь, это ошибка, та самая ошибка, которую и я столько разъ дѣлалъ. Но что скрываетъ она отъ меня? Какую тайну!“

Онъ не могъ побороть въ себѣ чего то тоскливаго и мучительнаго, какой то ревности, которая поднималась въ его сердцѣ. Но онъ все же продолжалъ думать:

„Да, еслибы и была ошибка, она должна же понять, что это ошибка и только. Вѣдь человѣкъ въ слѣдствіи своей часто борется противъ той высшей силы, которая направляетъ и устраиваетъ жизнь. Что то злобное, враждебное ему, заставляетъ его бороться, отклоняться отъ назначенаго ему пути. Но приходитъ минута, когда все становится яснымъ и тогда человѣкъ долженъ поскорѣй отказаться отъ бесплодныхъ усилий, которыя къ тому же могутъ быть для него и гибельными. Пусть же она немного успокоится. мнѣ нечего бояться теперь, когда произошла наша встрѣча. Она уже не уйдетъ отъ меня, я ее не выпущу. Но быть можетъ то, что для меня ясно, для нея еще не выяснилось. Быть можетъ, эти великія истины жизни чувствуются ею только инстинктивно и не ясны еще для ея разума?...“

Онъ рѣшилъ, что въ томъ случаѣ, если она не сразу будетъ съ нимъ откровенна, если она не рѣшится сама признаться ему во всемъ, что ее смущаетъ—дѣйствовать благоразумно, самому постараться все понять и объяснить себѣ. Понять ея жизнь, отношенія къ окружающимъ ее людямъ. Однимъ словомъ, приготовиться къ тому, чтобы доказать ей неопровергимо, на основаніи знакомства съ обстоятельствами, неосновательность ея страховъ.

И онъ окончательно успокоился, дойдя до этого успокоенія своимъ собственнымъ путемъ, который конечно показался бы очень страннымъ людямъ, незнакомымъ съ его мистическимъ міросозерцаніемъ.

Но у него была способность относиться къ жизни разносторонне и изъ мечтательныхъ сферъ быстро возвращаться къ дѣйствительности, интересоваться ею, погружаться въ нее.

емъ прекрасномъ московскомъ домѣ. При нихъ состоялъ большой штатъ прислуги. Кроме того съ юношами до сихъ поръ жилъ и прежній ихъ гувернеръ англичанинъ, мистеръ Томсонъ, человѣкъ уже очень пожилыхъ лѣтъ. Они къ нему привыкли и любили его; но онъ не могъ имѣть на нихъ особенного вліянія. Онъ держалъ себя въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣла, но въ то же время былъ, такъ сказать, ихъ историографомъ: онъ ежедневно посыпалъ въ Горбатовское, Татьянѣ Владиміровнѣ, подробный отчетъ о времяпровожденіи ея сыновей. Онъ далъ обѣщаніе ничего отъ нея не скрывать, и въ случаѣ надобности она всегда готова была пріѣхать въ Москву.

Она и Сергій Борисовичъ скучали въ разлукѣ съ дѣтьми. Но, во первыхъ, они слишкомъ глубокіе корни пустили въ Горбатовскомъ, а во вторыхъ, на семейномъ совѣтѣ, на которомъ принималъ участіе и престарѣлый карликъ, было решено, что молодые люди должны пріучаться къ самостоятельной жизни, что нѣсколько мѣсяцевъ въ году ихъ слѣдуетъ оставлять на свободѣ: оба они благоразумны и не станутъ злоупотреблять ею. Если, чего Боже сохрани, что и случится—Москва не за горами. А честный англичанинъ добросовѣстно станеть исполнять свои обязанности.

И Борисъ дѣйствительно не злоупотреблялъ своей свободой. Онъ много работалъ, такъ что его однолѣтка и неизменный служитель, Стѣпушка, крестникъ карлика, нѣрѣдко уговаривалъ бросить книжки, да развлечься. Молодой баринъ иной разъ и сдавался на убѣжденія Стѣпушки, откладывалъ книги, но брался за другое—научалъ Степушку уму-разуму; такъ что въ концѣ концовъ этотъ Степушка оказался не только что грамотнымъ, но и достаточно начитаннымъ, знающимъ такія вещи, о которыхъ и во снѣ не снилось его родственникамъ и сверстникамъ въ горбатовской дворѣ.

Въ свободное отъ занятій время, Борисъ посѣщалъ театры; посѣщалъ нѣкоторые родственные дома, принадлежавшіе къ высшему московскому кругу; не отказывался и отъ танцевъ. Ухаживалъ за хорошенѣкими дѣвушками, которыхъ очень заглядывались на красиваго юношу съ мечтательной физіономіей.

Эти дѣвушки находили, что Борисъ очень похожъ на Шиллера, только, конечно, en beau.

Писалъ молодой студентъ и стихи, и писалъ очень недурно, но никому не показывалъ своихъ твореній, держалъ ихъ въ самомъ дальнемъ ящики бюро, вѣдь на запорѣ.

Были у Бориса и любимые товарищи—три, четыре человѣка. Они иной разъ собирались вмѣстѣ, спорили, декламировали Ломоносова, Державина, толковали о Шекспирѣ, о Гёте, о Шиллерѣ.

Этотъ маленький кружокъ назывался въ университетѣ „трезвой компаніей“.

Но Владиміръ не принадлежалъ къ трезвой компаніи. Онъ даже теперь рѣдко видался съ братомъ. Въ университетѣ они были на разныхъ отдѣленіяхъ. Положимъ, приходилось танцевать на однихъ и тѣхъ же вечерахъ, но Владиміръ иногда манкировалъ своими обязанностями свѣтскаго юноши. Его увлекали другія забавы. Онъ принадлежалъ, хотя и весьма осторожно, къ кружку разгульной, богатой московской молодежи.

Еслибы мистеръ Томсонъ вздумалъ учредить тайный надзоръ за своимъ младшимъ воспитанникомъ, онъ долженъ былъ бы сообщить Татьянѣ Владиміровнѣ печальныя вещи. Онъ долженъ былъ бы сообщить ей, что Владиміръ частенько къ цыганамъ заглядываетъ, что его можно встрѣтить иногда на лихой тройкѣ въ хмѣльной компаніи, съ дамами очень сомнительной репутацией.

Но мистеръ Томсонъ не учреждалъ тайного надзора, а Владиміръ вѣдь себя осторожно: никогда не проговаривался, никогда не доводилъ своего поведенія до какого нибудь открытаго скандала. Въ немъ съ этихъ уже

юныхъ лѣтъ сказалась одна черта, которую онъ усердно развивалъ въ себѣ—ничего не доводить до крайности, во всемъ соблюдать мѣру и осторожность.

Онъ любилъ выпить съ веселыми товарищами, но никогда нигдѣ не видали его совсѣмъ пьянымъ. Онъ ни разу не являлся домой въ „безобразномъ видѣ“. У него было одно затрудненіе—деньги.

Горбатовы ни въ чемъ не стѣсняли дѣтей своихъ и давали молодымъ студентамъ болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы имѣть возможность и повеселиться, и помочь ближнему. Татьяна Владиміровна знала, что ея Борисъ не малую сумму употребляетъ ежегодно на добрыя дѣла, на поддержание бѣдныхъ товарищей и дѣлаетъ все это съ присущей ему деликатностью.

Такая же сумма была и въ распоряженіи Владимира, но онъ употреблялъ ее исключительно для своихъ удовольствій, которыхъ должны были оставаться тайной для родителей. Эта сумма конечно оказывалась недостаточной. Приходилось обращаться къ брату. Братъ всегда былъ готовъ служить, но могъ удѣлять немного. Оставалось занимать, и Владиміръ занималъ, но, опять таки, осторожно, за проценты достаточные, но не черезчуръ большіе, съ увѣренностью въ томъ, что его долги не огласятся и что ему дана будетъ возможность выплатить такъ, что даже родители обѣ этомъ не узнаютъ. Положимъ, этого сдѣлать ему не удалось, но и здѣсь ему удалось выпутаться.

По окончаніи курса, когда пришло расплачиваться съ долгами, достигшими очень большой суммы, онъ пришелъ къ отцу и матери и спокойно, хотя и грустнымъ тономъ, объявилъ имъ, что съ нимъ случилось несчастіе.

— Что такое?

— Вы знаете, что я не игрокъ, не моть и не пьяница, сказалъ Владиміръ,—но съ кѣмъ не случается ошибки. Я увлекся въ первый и, надѣюсь, въ послѣдній разъ въ жизни и очень сильно проигрался.

Сергій Борисовичъ нахмурилъ брови, Татьяна Владиміровна поблѣдѣла.

Но спокойный и самоувѣренный видъ Владимира, его увѣренія въ томъ, что онъ не чувствуетъ никакой страсти къ картамъ, ихъ скоро успокоили. Онъ назвалъ цифру своего мнимаго проигрыша. Они не ожидали ничего подобнаго—проигрышъ его далеко превышалъ сто тысячъ.

— Да гдѣ же это? Кому ты проигралъ такую сумму?

— Я убѣдительно прошу васъ меня не распрашивать, я не имѣю права сказать—я связанъ честнымъ словомъ. Я не хочу подвергать никакой непріятности тѣхъ, кому проигралъ. Но вѣдь вы понимаете, дорогой батюшка, что я долженъ заплатить и заплатить немедленно.

— Да, я это понимаю, грустно сказалъ Сергій Борисовичъ.—Приходи завтра, я приготовлю тебѣ эти деньги, но надѣюсь, что это дѣйствительно въ послѣдній разъ. Хотя наши средства и велики, но мы съ твоей матерью не для того ихъ сохраняли и увеличивали, чтобы ты бросалъ ихъ за окно. У насъ въ роду еще не было картежниковъ.

— Надѣюсь и не будешь, съ достоинствомъ возразилъ Владиміръ.—Я чистосердечно повинился передъ вами въ бѣдѣ, ошибкѣ, грѣхѣ—если хотите, и, надѣюсь, вы мнѣ простите!

Онъ крѣпко цѣловалъ руки родителей, ласково глядѣлъ на нихъ своими полузакрытыми глазами.

Они ему повѣрили. На слѣдующій же день онъ получилъ возможность расплатиться съ долгами. И такимъ образомъ его студенческія проказы остались только въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ товарищѣй да московскихъ цыганъ и цыганокъ.

По окончаніи университетскаго курса, молодые люди,

проводя лѣто по обычаю въ деревнѣ, пріѣхали осенью въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы начать новую жизнь.

Владимиръ ясно опредѣлилъ себѣ свои цѣли. Онъ поступилъ въ военную службу. Онъ долженъ былъ непремѣнно достигнуть того, о чёмъ онъ мечталъ еще въ дѣтствѣ, то есть, сдѣлаться генераломъ,увѣшаннымъ звѣздами.

Борисъ не чувствовалъ влечения къ военной службѣ, онъ зачислился по вѣдомству духовныхъ дѣлъ, къ князю Голицыну, знатному отцу его. Но служба его какъ-то увлекала, онъ былъ занятъ инымъ. Ему казалось, что онъ приближается къ завѣтному порогу, къ открытию великихъ тайнъ, которыхъ чуть не съ дѣтства мучили его душу—онъ былъ принятъ въ масонскую ложу.

Онъ иногда посещалъ общество, производилъ на всѣхъ хорошее впечатлѣніе, но былъ скроменъ, молчаливъ. Онъ только старался наблюдать и былъ недоволенъ своими наблюденіями.

Онъ встрѣчался съ красивыми женщинами и дѣвушками, умными и интересными, которыхъ готовы были, при желаніи съ его стороны, обратить на него вниманіе. Но онъ не заинтересовался ими. Онъ любилъ какую то мечту, тосковалъ по какому-то идеалу. Онъ искалъ смысла жизни, откровенія великой истины.

Но петербургское масонство его разочаровало. Опѣрѣшился бѣхать за границу на два, на три года. Хотѣлъ объѣздить всю Европу, присмотрѣться къ тамошнему умственному и нравственному движению, заглянуть въ тамошнія мистическая общества. Быть можетъ гдѣнибудь онъ и найдетъ то, безъ чего не можетъ быть счастливъ.

Когда онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи родителямъ, оказалось, что они ничего противъ этого не имѣютъ. Его отецъ въ молодости прожилъ долгіе годы за границей, прожилъ въ качествѣ изгнаника. Онъ передалъ ему цѣлый рядъ своихъ наблюденій. Онъ заинтересовался самъ его поѣздкой, просилъ чаще и обстоятельно писать ему, рассказывать ему, какова то стала теперь Европа.

Мать нашла, что молодому человѣку слѣдуетъ набраться побольше впечатлѣній, что большое продолжительное путешествие съ той подготовкой, съ тѣмъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, которыхъ были у Бориса, послужитъ только къ дальнѣйшему его развитію.

Сообщилъ онъ о своемъ рѣшеніи бѣхать брату. Тотъ

изумился, пожалъ плечами, закрылъ глаза и не сказалъ ни слова.

— Что это ты? изумленно спросилъ Борисъ.—Ты какъ будто меня не одобряешь?

— Да, я тебя не одобряю, отвѣтилъ Владимиръ.—Да и посуди самъ, какъ я могу одобрить—ты только что началъ свою службу, тебя очень ласково принимаетъ князь Голицынъ, у тебя, насколько я знаю, завязываются связи, не сегодня, такъ завтра подвернется благопріятный случай, ты можешь быстро пойти въ гору—а ты уѣзжаешь на два, на три года—шутка ли это! Ты себѣ страшно вредишь и тебѣ придется впослѣдствіи очень раскаиваться.

— Да, съ этой точки зрѣнія ты конечно правъ, проговорилъ Борисъ.—Но дѣло въ томъ, что это не моя точка зрѣнія и во всякомъ случаѣ я никогда не буду раскаиваться.

Владимиръ опять пожалъ плечами.

У него мелькнула мысль о томъ, что братъ просто глупъ, не смотря на то, что научился книгъ и по цѣлымъ часамъ можетъ философствовать на такія темы, о которыхъ онъ, Владимиръ, не имѣеть понятія.

Ну, а самъ Владимиръ былъ далеко не глупъ. Въ это время, то есть, передъ отѣзdomъ брата, онъ уже былъ счастливымъ супругомъ графини Черновой.

Онъ хорошо обдумалъ эту женитьбу. Екатерина Михайловна ему нравилась какъ хорошенъкая дѣвушка, но и другія были лучше ея и больше ему по вкусу. Онъ могъ бы найти себѣ невѣсту и побогаче. Но у Екатерины Михайловны было то, чего не было у другихъ—были самыя надежныя и прочныя связи, ея близкіе родные стояли у дѣлъ въ то время и должны были доставить Владимиру то, чего не могъ доставить непрактичный отецъ—солидную протекцію.

Благодаря женитьбѣ на графинѣ Черновой, Владимиръ разсчитывалъ сдѣлать быструю и блестящую карьеру. Его расчеты стали тотчасъ же и оправдываться.

И вотъ теперь, послѣ двухъ лѣтъ разлуки съ братомъ, передъ Борисомъ яснѣе чѣмъ когда либо явилась эта жизнь близкаго ему по крови существа, въ которомъ бы онъ хотѣлъ видѣть друга, въ которомъ бы хотѣлъ видѣть достойнаго, безупречнаго человѣка.

„И онъ доволенъ собою, думалъ Борисъ—онъ очевидно считаетъ себя счастливымъ человѣкомъ. И всѣ такъ, всѣ. Онъ не хуже, а лучше многихъ...“

(До слѣд. №).

Талисманъ.

(Изъ быта лапландцевъ).

Разсказъ Карла Мей.

(Окончаніе).

Когда я возвратился назадъ, въ эту семидесятиградусную—по Реймеру—температуру, меня привѣтствовалъ громкій и общій хохотъ присутствовавшихъ. Я тотчасъ же вспомнилъ о неосторожности, съ какой оставилъ свой пузырекъ, и бросился къ нему, по онъ былъ пустъ. „Bom bosch“, сказалъ бы турокъ—“совсѣмъ пустъ“; чудаки лапланцы употребили мою арнику какъ „внутреннюю“ примочку для своихъ желудковъ!

Почувствовалъ сильное желаніе хорошенъко ихъ разругать, я, однако, поневолѣ засмѣялся, когда Пентъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами извиненія:

— Господинъ, ты, вѣдь, не станешь пачь бранить? Мы сѣѣли медвѣдя и по вкусу узнали, что онъ былъ больной, а оттого и приняли твоё лекарство, которое исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней. Для моей головы его не надо; боль прошла и я здоровъ. Я протянулъ ему пузырекъ.

— Ты взялъ лекарство, возьми и бутылочку, я тебѣ дарю ее.

Подарокъ этотъ доставилъ всему семейству большое удовольствие, такъ какъ стаканъ или бутылка — великая рѣдкость въ хозяйствѣ лапланца.

— Гѣрретъя („милый господинчикъ“, ласкательное уменьшительное отъ гѣрра „господинъ“), ты—знаменитый и добрый докторъ и съ тобой вошло въ мой домъ великое благословеніе; когда ты пришелъ къ намъ, то принесъ собой „Шпанска винъ“ (т. е. шампанское, но онъ ошибся, желая назвать ромъ), увеселившее наше сердце, но твое лекарство еще лучше; ахъ, еслибы у тебя было еще! Ну, а теперь я усталъ. Желаешь опять

прилечь съ нами? Какъ проснемся, пойдемъ со мной на Фѣлльсъ (горы), мнѣ надо переговорить съ тобой объ одномъ важномъ дѣлѣ.

Всѣ порядочно устали, а потому и послѣдовали его совѣту; дымовое отверстіе тотчасъ же было закрыто и вскорѣ мы приняли вновь то удобное положеніе, изъ котораго наскѣ давеча поднялъ медвѣдя.

Человѣкъ, а въ особенности путешественникъ, привыкаетъ ко всему; я заспуль какъ блаженный и пробудился только тогда, когда прелестная Марья потянула съ меня шубу, для того, чтобы устроить себѣ изъ нея сидѣніе у очага, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что въ пей, т. е. шубѣ—были плотно укутаны мои ноги; выдержавъ нѣсколько времени тяжесть ея маленькаго тѣла, я, затѣмъ, притянуль обратно къ себѣ свои колѣни и поднялся, вѣроятно чтобы присутствовать при изготавленіи утренняго супа.

Первымъ ингредіентомъ для него служилъ конечно, отваръ, оставшійся въ котлѣ послѣ медвѣжьихъ внутренностей, далѣе—куски спекшейся крови, нѣсколько кусковъ оленяго сыру, потомъ „зикъ“ (родъ лососины—salmo lavaretus), „свѣжесть“ котораго заявила о себѣ очень сильнымъ запахомъ, щепотка „блѣбѣру“ (vaccinium myrtillus), пемного соли—роскошь, возможную для такихъ только богатыхъ, какъ дядя Пентъ,—немнога муки, скроѣ похожей на опилки и, наконецъ, медвѣжіи кишкі, разрѣзанные и разорванные на части и чистота которыхъ осталась у меня подъ большимъ сомнѣніемъ.

Раненый. Съ картины Рубо, грав. Ш. Дзедзинь.

Я, однако, вместо того, чтобы присоединиться къ этой закускѣ, попросилъ себѣ кусокъ оленяго мяса; желаніе мое было выполнено съ величайшимъ удовольствиемъ: повидимому, хозяева были очень рады воспользоваться моей долей супа.

Послѣ этого завтрака который, между прочимъ, не могъ называться, собственно, завтракомъ, такъ какъ мы находились въ періодѣ зимней, продолжавшейся цѣлые мѣсяцы, ночи,—Пентъ просилъ меня идти съ нимъ изъ шалаша. Взявъ ружья и копья и надѣвъ лыжи, мы пошли. Онъ повелъ меня по той самой дорогѣ, по которой мы, вчера, гнали медведя. Это обстоятельство навело меня на мысль, что разговоръ нашъ коснется происшествія, случившагося съ Пентомъ, но онъ упорно молчалъ все время, пока мы не вошли въ лѣсъ и не остановились у того самаго мѣста, где онъ съ нами разстался.

— Садись господинъ! сказалъ онъ, опускаясь и самъ на мягкой снѣгъ,—я буду съ тобой говорить объ одной вещи, о которой никто не долженъ знать.

Я сѣлъ около него; передъ нами улеглись собаки, безъ которыхъ лапландецъ никогда не уходитъ изъ своего шалаша; даже и гость—если онъ остается долго—получаетъ такого же вѣрнаго, не оставляющаго его ни на шагъ, спутника. Пентъ нѣсколько минутъ сидѣлъ, опустивъ голову; онъ, повидимому, придумывалъ—какъ приступить къ разговору. Я молчалъ тоже, не желая мѣшать его раздумью. Наконецъ, онъ началъ:

— Господинъ, ты умѣешь молчать?

— Да, отвѣчалъ я просто.

— И ты будешь молчать?

— Да.

— Я вѣрю тебѣ, такъ какъ все время за тобой наблюдалъ; поймай моего вора!

— Я?... вора?... спросилъ я въ изумленіи.

— Да, ты! Когда у насъ совершаются дурное дѣло, то „Коноксъ“ (король) посыпаетъ сюда своихъ солдатъ, обязанныхъ искать виновнаго; но, обыкновенно, проходить очень много времени, прежде чѣмъ они сдѣлаютъ этотъ длинный путь, и тотъ успѣетъ давно уже перебраться въ „Норвѣ“ (Норвегія), куда они не могутъ уже слѣдовать за нимъ. Да и солдатъ рѣдко съумѣетъ изловить „самеласта“ (*), знающаго страну лучше ихъ.

— Тебя развѣ обокрали? спросилъ я.

Его, обыкновенно, добродушное лицо приняло злобное выраженіе.

— Да, произнесъ онъ съ дикимъ блескомъ въ своихъ умныхъ глазахъ.

— Кто?

— Я не знаю.

— Имѣешь на кого либо подозрѣніе?

— Нѣть.

— Не изъ твоихъ ли слугъ кто?

— Нѣть.

— Что у тебя украдено? олень?

— О, господинъ, какъ могъ бы я узнать, еслибы укралъ олена? У меня ихъ больше тысячи и часто бываетъ, что какой-нибудь и сбѣжитъ. Да и пропажа олена не можетъ мнѣ причинить такого горя. О нѣть, кража тутъ поважнѣй—украшены деньги, много денегъ!

При этихъ словахъ онъ горько заплакалъ; дѣтская натура лапландца не была въ состояніи съ мужествомъ стерпѣть неудачу. Я началъ соображать. Не былъ ли воромъ тотъ человѣкъ, который уѣжалъ отъ насъ тогда? Можетъ быть именно онъ открылъ спрятанную Пентомъ деньги? Дядя Пентъ былъ очень богатъ; онъ только что самъ мнѣ сказалъ, что обладалъ болѣе, чѣмъ тысячью оленей; вѣроятно, у него было припрятано много и денегъ.

Лапландецъ, пріѣзжая на ярмарку или въ одинъ изъ немногихъ городковъ, продаетъ свои мѣха или иные товары не иначе, какъ за добрые, серебряные талеры. Каждый годъ, такимъ образомъ, въ непривѣтливыя страны далекаго сѣвера направляется значительное количество серебра; оно тамъ и остается, такъ какъ обитатель лапландіи рѣдко или никогда не выпускаетъ талера, разъ онъ попалъ къ нему.

Когда кошелъ полонъ, лапландецъ отыскиваетъ уединенное мѣсто въ лѣсу, на болотѣ или въ скалахъ и прячетъ тамъ „рикс-далеры“; свой секретъ онъ хранить въ глубокой тайнѣ, открывая его своимъ наслѣдникамъ только въ виду неминуемой смерти, приближеніе которой онъ чувствуетъ; а для того, чтобы, въ случаѣ открытія клада, не лишиться сразу всѣхъ сбережений, онъ дѣлить ихъ и прятать въ нѣсколько различныхъ мѣстъ, которыя, отъ времени до времени, осматриваются, чтобы убѣдиться въ цѣлости скопленныхъ денегъ; но нерѣдко бываетъ, что лапландецъ умираетъ, не указавъ, где скрылъ деньги, или укажетъ такъ неясно, что нельзѧ бываетъ ихъ найти: иногда же сама природа уничтожаетъ, во время какогонибудь переворота, мѣсто, выбранное лапландцемъ, и потому исчезаютъ большія суммы, на находку которыхъ когда-либо нельзѧ и разсчитывать; дикия пустыни Лапландіи образуютъ гигантскую копилку, поглощающую непроизводительно большие капиталы.

— Могу ли спросить—сколько денегъ у тебя украдено?

— Два кошеля.

* Имя, которое лапландцы даютъ себѣ, тогда какъ слово „лапландецъ“ они считаютъ почти ругательнымъ выражениемъ.

— Ты спряталъ ихъ?

— Да, господинъ, и никто не долженъ знать, гдѣ находятся талеры,—ни братъ, ни жена, ни дѣти; я былъ, какъ тебѣ известно, въ Энонтекшѣ, на рынке; тамъ я продалъ много мѣховъ, сыра и перчатокъ, связанныхъ дочерьми; я сдѣлалъ обмѣнъ на то, что мнѣ было надо и, кроме того, привезъ домой еще два кошеля чистаго серебра; вчера, когда доили оленицъ и люди были заняты, а потому не могли за мной слѣдовать, я надѣлъ лыжи и пошелъ на Фѣлль, чтобы спрятать серебро; на обратномъ пути я замѣтилъ какого-то чужаго, кравшагося между скалъ, погнался за нимъ, но онъ скрылся; тогда, возвратившись назадъ, я вынулъ деньги и спряталъ ихъ въ другой мѣстности. Въ полночь, когда мы шли за медведемъ, я опять увидѣлъ этого незнакомца; думая, что онъ ищетъ мое серебро, я пустился его преслѣдовать,—онъ, однако, исчезъ. Я опять пошелъ къ своему серебру; оно было цѣло, но, въ ту минуту, что я его разсмотривалъ,—кто-то меня ударили сзади; въ глазахъ потемнѣло, я упалъ; однако, чрезъ минуту поднялся вновь; деньги были взяты и я издали видѣлъ, какъ воръ быстро бѣжалъ по снѣгу; я бросился за нимъ; онъ направился на другую сторону ската и потому я повернулся по лѣду, ему на перерѣзъ; лѣдъ этотъ я хорошо знаю, но гнѣвъ ослѣпилъ меня; я попалъ въ щель и когда очнулся, то—лежалъ въ своемъ шалашѣ съ нюхательнымъ табакомъ въ носу, но воръ исчезъ.

— Ты его не узналъ?

— Нѣть. Онъ подкрался ко мнѣ сзади, такъ что я его не замѣтилъ. На немъ была такая же зимняя маска, какую мы все носимъ, чтобы сберечь лицо отъ мороза.

— Замѣтилъ ли ты, по крайней мѣрѣ, его фигуру?

— Господинъ, лапландская ночь продолжается три мѣсяца и обманываетъ зрѣніе. Сѣверное сіяніе было такое неспокойное и его пламя черезчуръ ярко на снѣгѣ. Какъ тутъ хорошо увидишь? Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ точно такъ же, какъ и всякий другой, когда онъ не сидѣтъ у себя въ хижинѣ. Я бы и не могъ узнать его теперь. Если ты мнѣ не поможешь, господинъ, то я никогда не открою вора и мое блестящее серебро пропадетъ.

— Я? но какъ же я могу тебѣ помочь, если даже и королевские солдаты ничего не могутъ для тебя сдѣлать? Я знаю страну такъ же мало, какъ и они, и не имѣю ихъ власти надъ воромъ.

— Господинъ, ты ошибаешься, у тебя больше ума, нежели у всѣхъ лапландцевъ вмѣстѣ, и никогда тутъ, ни у кого не видѣли такого оружія, какъ твое; каждый воръ тебя побоится. Ты, вотъ, былъ и въ далекихъ, дикихъ странахъ, гдѣ выучился читать чужой слѣдъ такъ, какъ мы не умѣемъ. Ты самъ же намъ рассказывалъ о злыхъ индѣйцахъ, за которыми вы тамъ гнались по горамъ и долинамъ, чтобы отобрать украденные ими у васъ мѣха. Я приведу тебя къ слѣду вора и увѣренъ, что какъ только ты его увидишь—онъ не уйдетъ отъ насть.

Гм! Такого довѣрія къ себѣ я не ожидалъ. Но, я бы заслужилъ порицанія, еслибы принялъ предложеніе Пента, не будучи въ состояніи его выполнить, а потому и возразилъ:

— Я еще такъ недавно въ Лапландіи и, право, не думаю, чтобы могъ тебѣ помочь.

Пентъ засмѣялся хитрымъ, лукавымъ смѣхомъ.

— Господинъ—можешь, потому что ты самъ сказалъ, что ты докторъ.

— А ты думаешьъ, что докторъ учился также и воровъ ловить?

— Смѣешься ты надо мнѣ? докторъ всему учился; докторъ все можетъ, если только пожелаетъ!

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Нечего было и говорить мнѣ, потому что мы все это знаемъ; доктору все удастся, такъ какъ онъ выучился дѣлать для себя „Сайва—тѣялемъ“ (талисманъ, амулетъ, въ подстрочномъ переводе—святая письмена), а тотъ, кто при себѣ имѣетъ сайва—тѣялемъ, тотъ не можетъ испытать неудачи ни въ чемъ, пока убережетъ его въ цѣлости.

— Ошибаешься ты, сказалъ я, отрицательно покачавъ головой,—нѣть никакого такого амулета, ни сайва—тѣялемъ, который обладалъ бы подобной силой.

— Господинъ, ты только не желаешь сознаться; у меня, вѣдь, у самого были такія письмена.

— Отъ кого же?

— Отъ одного доктора, котораго я встрѣтилъ въ Люлеѣ, у моря. Онъ былъ очень умный человѣкъ, далъ мнѣ лекарства для моихъ больныхъ глазъ и когда я попросилъ у него амулетъ,—тотчасъ же онъ мнѣ его написалъ даромъ. И долго носилъ его на груди и никогда со мной не случалось никакого несчастія. Но онъ разлѣзся совсѣмъ отъ пота и потому утратилъ почти все свое влияніе. Не разорвись онъ такъ, я никогда не попалъ бы въ щель. Я тебя попрошу написать мнѣ новый.

— Гдѣ онъ у тебѣ?

— Тутъ, отвѣчалъ онъ, ткнувъ себя въ грудь.

— Можешь ты мнѣ его показать?

— Докторъ не воспретилъ мнѣ этого; желаешь видѣть?

— Да.

Вытащивъ изъ за пазухи висѣвшій тамъ у него на шнуркѣ

кусокъ кожи, опь вынуль изъ него сложенную въ нѣсколько разъ бумагу, которую и подаль мнѣ.

— Вотъ, сказаъ онъ,—тебѣ известны знаки, изображенныя тутъ?

Написанныя карандашемъ строки уже очень стерлись, но, все-таки, съ первого же взгляда я узналъ, что то были нѣмецкія слова, и мое немалое удивленіе смѣнилось вскорѣ громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ, когда я прочелъ слѣдующее:

„На Гангѣ ароматно и свѣтло, тамъ ростутъ гигантскія деревья и предъ цвѣтомъ лотоса преклоняются красивые, молчаливые люди. Въ Лапландіи живутъ неопрятные люди, плоскоголовые, широкоротые и маленькие; они сидятъ на корточкахъ вокругъ огня и варятъ рыбу, и визжать, и кричать“.

Такимъ образомъ, добрая Пентъ цѣлые годы носилъ на своемъ сердцѣ это известное стихотвореніе Генриха Гейне, придавая ему чародѣйную силу! Но—кто же написалъ лапландцу эти стихи?

Въ самомъ ли дѣлѣ какой-нибудь докторъ? Неужели образованный человѣкъ не напелъ недостойнымъ себѣ поддерживать въ суевѣрномъ лапландцѣ его предразсудки? Эта мысль, не смотря на смѣхъ, разобравшій меня въ началѣ, разсердила меня.

— Атье (отецъ) Пентъ—это не сайва-тѣялемъ, а „кайвесъ-тѣялокъ“ (глупыя письмена), сказалъ я ему,—и тотъ, кто тебѣ ихъ написалъ,—не докторъ вовсе.

— Но, господинъ, оно мнѣ помогало же!

— Я тебѣ прочту и ты самъ увидишь, что можешь о немъ думать.

Я перевелъ ему, какъ только можно было приоровить къ лапландскому языку; при послѣднихъ словахъ онъ вскочилъ и крикнулъ съ досадой:

— Ты хочешь смѣяться надо мной? Такихъ словъ тамъ нѣть!

— Есть!

— Неправда, господинъ!

— Ты называешь меня лжецомъ, и значитъ?..

Онъ съ минуту оставался въ раздумья.

— Господинъ, ты, до сихъ поръ, былъ къ намъ добръ и относился къ намъ серьезно, но теперь желаешь пощутить; этотъ сайва-тѣялемъ не разъ избавлялъ меня отъ непрѣятностей, а тѣ слова, которыхъ ты прочелъ—злыя слова; они для меня обидны и не могутъ помочь человѣку, не могутъ возвратить мнѣ и моего серебра!

— Ты говоришь благоразумно, я тебѣ прочелъ вѣрно то, что написано тутъ, въ бумагѣ, не прибавилъ и не убавилъ ни одного слова. Брось ты это—никакой пользы въ ней нѣть!

— Правду ли ты мнѣ говоришь? спросилъ онъ колеблясь.

— Да.

— Господинъ, я испытую эту бумагу.

— Какъ же это ты сдѣлаешь?

— Я ее опять спрячу у себя за пазухой; если мы вора поймаемъ, то она хороша, не поймаемъ—никуда не годится.

— Это испытаніе не годится: ты, вѣдь, желаешь поймать вора при моей помощи, а не при помощи этой бумаги; если ты хочешь испытать какъ надо, то иди одинъ.

Онъ опять немного подумалъ.

— Правда твоя, а потому мы испытаемъ иначе: воръ уже спряталъ деньги и когда мы его словимъ, онъ ничего не скажетъ. Тогда я ему дамъ это писанье. Если оно его защитить, значитъ—имѣеть силу, а если мы найдемъ деньги, значитъ правда все то, что ты мнѣ прочелъ.

— Хорошо, будь по твоему; покажи мнѣ слѣды вора.

Мы встали и углубились въ рѣдкій лѣсъ, окружавшій настъ со всѣхъ сторонъ, и четверть часа спустя мы приблизились къ обломку скалы, обросшему дрокомъ и покрытому снѣгомъ. Тутъ я увидѣлъ слѣды двухъ людей.

— Желаешь ли, чтобы я тебѣ указалъ мѣсто, гдѣ ты спряталъ свое серебро? спросилъ я Пента.

— Развѣ ты его найдешь? изумился онъ.

— Непремѣнно!

Осмотрѣвъ оба слѣда, я пошелъ по одному изъ нихъ и остановился у узкой щели въ скалѣ.

— Онъ было тутъ!

— Господинъ, ты угадалъ! воскликнулъ онъ,—въ этой щели я и спряталъ серебро и потомъ прикрылъ его снѣгомъ.

— Гляди! вотъ тутъ ты пристѣль на корточки, когда разматривалъ свои деньги, а тутъ вотъ стоялъ воръ, передъ тѣмъ, чтобы тебя ударить.

— Почему ты все это узналъ?

— Это я тебѣ объясню послѣ.

Пока незнакомецъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, стоялъ позади Пента, его длинныя лыжи глубже вошли въ снѣгъ, на которомъ и остались ясный отпечатокъ. Далѣе я замѣтилъ, что въ одной изъ подошвъ его лыжъ былъ большой рубецъ, прошедшій, вѣроятно, отъ порѣза обѣ острый камень. Но пока я счелъ за лучшее не сообщать обѣ этомъ важномъ открытии Пенту.

— Пойдемъ мы по его слѣду? спросилъ онъ.

— Да.

Мы вышли изъ лѣсу опять на безлѣсную возвышенность, а оттуда по противоположному скату спустились въ боковую до-

лину, откуда уже вступили въ открытую равнину. Тутъ слѣды еле виднѣлись на снѣгу, такъ какъ преслѣдуемый бѣжалъ, насколько могъ, быстрѣе. Подражая ему, мы тоже съ необычайной скоростью пробѣжали равнину.

Въ этомъ направлениѣ жилъ ближайшій сосѣдъ Пента, у которого я уже былъ два раза. Этотъ человѣкъ тоже принадлежалъ къ числу богатыхъ, хотя его хозяйственный персоналъ состоялъ только изъ него, его жены, одной дочери и одного слуги; наружность именно этого послѣдняго не внушала мнѣ особенного довѣрія. Его хозяинъ сказалъ мнѣ, что онъ пришелъ изъ Норвегіи и находился у него въ услугеніи около года. Тотъ, кто рѣшается идти за дикія, пустынныя горы, едва ли, обыкновенно, изъ-за похвальныхъ причинъ оставляетъ отечество. Поэтому мнѣ невольно зашло подозрѣніе, что онъ и могъ быть воромъ. Если мое мнѣніе было вѣрно, то онъ, прежде чѣмъ возвратиться въ шалашъ своего хозяина, вѣроятно сдѣлалъ крюкъ, для того, чтобы спрятать деньги. Но уклоненія въ сторону не оказалось, слѣдъ шель, все время и неизмѣнно, по прямому направлению. Воръ былъ или очень беспеченъ, или черезчуръ нахаленъ, если не даль даже себѣ труда позаботиться о своей безопасности.

Мы молча продолжали путь, пока не достигли хижинъ сїда. Его дочь, находившаяся въ шалашѣ, дала ему знать о нашемъ приближеніи; онъ вышелъ къ намъ на встречу.

— Миръ съ тобой! привѣтствовалъ Пентъ.

— И съ тобой тоже! отвѣчалъ онъ.

Затѣмъ, они обнялись и, сдвинувъ свои зимнія маски въ сторону, потерлись, съ большимъ дружелюбиемъ, носами. Я, какъ иностранецъ, отдался только рукопожатіемъ. Поздоровавшись точно такимъ же способомъ и съ обѣими женщинами, Пентъ спросилъ:

— Гдѣ же слуга Павекъ (Павель)? я его не вижу.

— Можетъ его видѣть тамъ, у входа.

Слуга, въ самомъ дѣлѣ, находился около оленей, которые, въ эту минуту, работали копытами, желая добить мохъ изъ-подъ снѣга.

— Его лыжи теперь на немъ? спросилъ я.

— Нѣть, опѣ висятъ, вонъ, на дверяхъ.

Подойдя ближе, чтобы разсмотреть ихъ, я сразу же увидѣлъ рубецъ.

— Позови-ка его, намъ надо съ нимъ поговорить, сказалъ я.

Хозяинъ свистнулъ и махнулъ рукой и Павекъ медленно пошелъ къ намъ.

— Добрый день! поздоровался онъ съ невиннѣйшей миной въ мѣре.

— Эти лыжи твои собственныя? спросилъ я его.

— Да, господинъ, отвѣчалъ онъ.

— Пойдемте въ шалашъ, мы съ этимъ человѣкомъ кое о чёмъ побесѣдуетъ.

Слуга, безъ малѣйшаго сопротивленія, вошелъ въ хижину первымъ, предшествуя заинтересованнѣмъ хозяевамъ; владѣлецъ шалаша назывался „Стало“, т. е. великанъ, хотя „великанъ“ это доходилъ мнѣ только до плеча.

— Атье Стало, сказалъ я ему,—этотъ слуга скоро отъ тебя уйдетъ.

— Куда? спросилъ онъ удивленный.

— Въ тюрьму.

Онъ испуганно вскочилъ съ своего мѣста

— Что ты говоришь, господинъ!

— Что онъ пойдетъ въ тюрьму.

— Почему?

— Потому что онъ воръ.

— Господинъ, неужели ты желаешь осрамить меня и мой домъ?

— Нѣть. Къ чему сталъ бы я тебя обижать? Ты, вѣдь, нашъ квейме (сосѣдъ, близкій)! Я съ тобой ъль и пиль; я полюбиль тебя и твоихъ; я забочусь о твоемъ счастьи и спокойствіи и потому-то тебѣ и говорю, что твой слуга воръ.

Павекъ молчалъ и не двигался; обѣ женщины тоже были безмолвны, но Стало воскликнулъ:

— Господинъ, докажи это!

— Сейчасъ же! Этотъ человѣкъ уходилъ вчера изъ хижинъ?

— Да. Я послалъ его третьего дня за Фѣлль, къ сестрѣ Наунѣ; у нея родился мальчикъ и я ему на зубокъ послалъ оленя.

— Когда онъ возвратился?

— Очень поздно—сегодня, къ тому времени, какъ доить.

— Атье Пентъ можетъ тебѣ сказать, почему онъ такъ много потерялъ времени.

Пентъ рассказалъ о своемъ несчастии; слуга выслушалъ очень спокойно, даже не сморгнувъ; но всѣ остальные пришли въ величайшее возбужденіе; когда рассказчикъ кончилъ, Стало обратился къ слугѣ:

— Что отвѣтишь на это? спросилъ онъ его.

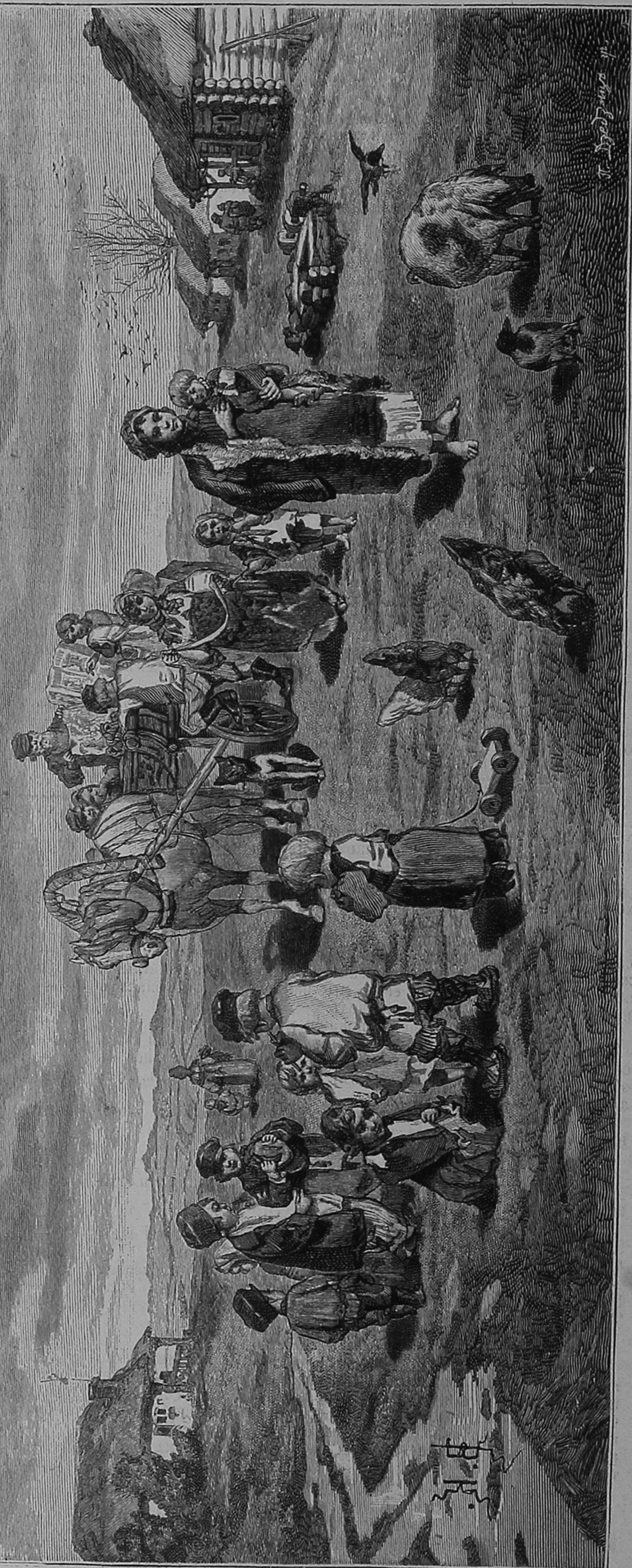
— Я этого не дѣлалъ, произнесъ онъ съ прежнимъ спокойствіемъ.

— Ты лжешь!

— Клянусь, что то былъ другой; я и не проходилъ по льду.

— Но они нашли твой слѣдъ!

— Они ошибаются; обыщите меня, найдете ли серебро!

Деревенский разнощикъ. Ориг. рис. Н. Князева, грав. П. Дзедицъ.

Крымские виды. Источникъ близъ Мшатки. Съ карт. академика Фрикке, грав. М. Рашевской.

— Мы такъ и сдѣлаемъ.

Подробнѣйшій обыскъ его платья и всей хижинѣ не привель, однако, къ открытію серебра.

— Гдѣ онъ былъ по возвращеніи? спросилъ я.

— Около стада, отвѣчалъ Стало.

— Никуда не отлучался?

— Нѣтъ; не выйдешь ли на короткое время изъ шалаша?

— Зачѣмъ? спросилъ я.

— Я хочу вопросить „куннусъ“ (заколдованный барабанъ).

Онъ зналъ, что дядя Пентъ считалъ меня своимъ истиннымъ другомъ и только потому сказалъ мнѣ такъ откровенно о барабанѣ. Къ числу оставшихся еще у лапландцевъ обычавъ языческой эпохи, принадлежитъ и это совѣщаніе съ заколдованнымъ барабаномъ. Хотя я охотно посмотрѣлъ бы, какъ у нихъ происходитъ этотъ обрядъ, но нельзя было, конечно, противиться желанію хозяина. Женщины тоже не могли оставаться; они пошли къ стаду. Ихъ очень хотѣлось поболтать со мной, я, однако, отклонилъ это удовольствіе и предпочелъ, наѣхъ лыжи, отправиться для осмотра прилегающей мѣстности, такъ какъ ясно было, что слуга спряталъ деньги гдѣ нибудь поблизости.

Слѣдовъ было не мало—и отъ сапогъ, и отъ лыжъ, а потому мнѣ приходилось осматривать съ большимъ вниманіемъ. Сдѣлавъ сначала небольшой, а потомъ болѣе значительный кругъ около хижинѣ и стада, я не нашелъ ничего; все время, обѣ женщины глядѣли на меня, качая, съ видомъ сомнѣнія, головами. Только при третьемъ, еще болѣе дальнемъ кругѣ, я напала на одинокій слѣдъ, на одной сторонѣ котораго вновь замѣтилъ знакъ отъ рубца на подошвѣ; я немедленно же пошелъ по немъ; онъ велъ къ узкой, выходившей изъ лѣсу канавѣ, въ которой текла скрытая льдомъ вода. Минутъ пятьостоялъ я въ глубокомъ изумленіи, такъ какъ невольно открылъ величайшую тайну лапландца, т. е. „Тіорфвигарди“ (роговой заборъ), маленький заборъ изъ оленыхъ роговъ, окружавший языческій жертвепникъ. Центръ его составлялъ такъ называемый „зайтъ“,—найденный въ водѣ камень своеобразнаго вида. Хотя въ нынѣшнія времена эти камни не почитаются болѣе, но, все-таки, „тіорфвигарди“ имѣетъ значеніе святаго мѣста, къ которому приблизиться можетъ только одинъ хозяинъ, глава дома. Однако, именно сюда, вели слѣды слуги. Я догадался, что нашелъ потайное мѣсто, выбранное имъ. Кому могла придти мысль, что лапландецъ спрятать украденное въ такое святилище!

Слѣдъ шель ко второму углу забора, а оттуда заворачивалъ назадъ. Держась направленія слуги, я вскорѣ находился въ томъ самомъ положеніи, которое принялъ онъ въ ту минуту, когда пряталъ деньги. Я сталъ осматривать снѣгъ около себя; онъ казался нетронутымъ, однако, нѣтъ—вонъ тамъ, пониже, къ нему, какъ будто бы, кто-то и прикоснулся. Я нагнулся и поглядѣлъ сквозь роговой плетень—да, какъ разъ, тутъ и виѣло то, что мы искали, по такъ хорошо спрятанное между вѣтвей роговъ, что случайно никогда не могло бы быть открыто; это былъ большой табачный кисеть; дотронувшись до него, я ясно ощущалъ оба кошеля, которые находились въ немъ. Я оставилъ находку на мѣстѣ и быстро возвратился назадъ. На мой вопросъ о томъ—гдѣ слуга, женщины мнѣ отвѣчали, что онъ, все еще, въ шалашѣ. Скоро, впрочемъ, настъ вновь впустили.

Павекъ встрѣтилъ меня насмѣшилымъ взглядомъ.

— Господинъ, я ему далъ мой сайва-тѣялемъ и онъ его защищилъ, сказалъ дядя Пентъ,—этотъ сайва-тѣялемъ, значитъ хороши!

— Вотъ какъ! произнесъ я серьезнымъ тономъ,—а гдѣ онъ у него.

— На шеѣ, но онъ мнѣ его опять отдастъ, когда получитъ отъ него уже полную защиту.

— Ну а что сказалъ барабанъ? спросилъ я сосѣда Стало.

— Онъ не виноватъ, барабанъ говоритъ, что воръ—„кайполать-кѣтнакъ“ (шведская собака), который немедленно же и бѣжалъ съ серебромъ.

— Вѣрно ли это?

— Барабанъ никогда не ошибается.

— Не торопись, Стало, возразилъ я,—вашъ барабанъ не можетъ сказать такъ правды, какъ простая лыжа!

— Ты шутишь, господинъ, лыжа не умѣеть говорить.

— Она говоритъ лучше и правдивѣе твоего барабана и при томъ же бережетъ кошель дяди Пента вѣрнѣе, нежели могъ уберечь его плохой сайва-тѣялемъ!

— Мой сайва-тѣялемъ хороши, возразилъ Пентъ—и ну, пустъ-ка лыжа хоть разъ поговорить, господинъ!

— Хорошо; ты услышишь какъ она говоритъ и послѣ того бросишь твою бумагу въ огонь!

Я вышелъ и возвратился съ лыжей.

— Это твоя собственная лыжа? спросилъ я слугу.

— Да, усмѣхнулся онъ.

— Видите вы этотъ рубецъ на подошвѣ? Вотъ это то и есть ея ротъ, которымъ она говоритъ. Онъ отпечатался на снѣгу и и тамъ, гдѣ Павекъ дядю Пента обокралъ, и по всей дорогѣ, вплоть до этого шалаша. Онъ же мнѣ сказалъ, что воръ никто иное, какъ Павекъ, и указалъ мнѣ мѣсто, куда онъ спряталъ серебро.

— Ну, пусть онъ укажетъ тебѣ мѣсто! оскалилъ свои зубы слуга.

— Это онъ сейчасъ же сдѣлаетъ, отвѣчалъ я,—потомъ онъ мнѣ сказалъ, что ты оба кошля съ серебромъ всунулъ въ табачный кисеть. Покажи мнѣ кисеть!

Павекъ замѣтно смущился.

— Я его потерялъ, съ трудомъ произнесъ онъ.

— Это неправда, потому что лыжа говорить мнѣ, что ты его спряталъ тутъ, поблизости. Идите за мной и прежде, чѣмъ можно три раза прочесть Отче нашъ, вы уже будете тамъ, гдѣ онъ спряталъ свой кисеть съ серебромъ!

— Правда ли это, господинъ? воскликнулъ Пентъ.

— Да!

— Правда? Ну такъ обѣщаю тебѣ бросить сайва-тѣялемъ въ огонь и никогда больше не слушать барабана.

— Беру тебя на словѣ; пойдемте же, но только, глядите, чтобы этотъ малый у насъ не уѣжалъ.

Я шелъ впереди, остальные слѣдовали за мной. Когда мы приблизились къ мѣсту, гдѣ отчетливо виднѣлись шаги слуги, я указалъ имъ на снѣгъ.

— Нагнитесь и посмотрите—какъ ясно лыжа говоритъ; ея языкъ правдивѣе языка барабана, но вы отворачиваетесь, для того, чтобы не видѣть и не слышать!

Я продолжалъ путь; Пентъ и Стало вели между собой слугу, а обѣ женщины составляли арьергардъ; мы достигли рогового забора, гдѣ Стало пришелъ въ большое волненіе.

— Ты насъ ведешь сюда, господинъ? воскликнулъ онъ,—развѣ ты не знаешь, что сюда нельзя?

— Ты думаешьъ, что честному человѣку нельзя войти, а вору можно прятать сюда краденое? О, сосѣдъ Стало, ты не христіанинъ, ты—злой язычникъ! Гляди—тутъ слѣдъ лыжи прекращается, а тутъ—тутъ виситъ кисеть. Гляди—не твоего ли слуги?

— Да—это его кисеть! воскликнулъ Стало.

Женщины подтвердили слова хозяина, а Пентъ жадно протянула свои руки.

— Господинъ, открои—тамъ ли мои кошели?

— Они тутъ, на, открои самъ!

Пентъ схватилъ кисеть и вынулъ оба свои кошеля.

— Надо пересчитать! и онъ присѣлъ на корточки.

Сосѣдъ Стало и женщины тоже присѣли около него. Имъ чрезвычайно любопытно было знать—сколько старый Пентъ припряталъ. Никто не обращалъ вниманія на слугу, который незамѣтно улизнулъ. Я не мѣшалъ ему, зная, что, во всякомъ случаѣ, онъ уѣжжитъ, да и наказаніе его состояло бы въ томъ только, что его прогнали бы. Однако, я, все-таки, пошелъ за нимъ, чтобы не дать ему возможности сдѣлать еще какого-нибудь вреда. Поймавъ и взнудавъ оленя, онъ впрыгъ его въ старые санки и погналъ. Со временемъ открытия кошелей не прошло и трехъ минутъ, а онъ успѣлъ уже исчезнуть. Я слѣдилъ за нимъ только до опушки рощицы. Вскорѣ послышалось веселое восклицаніе дяди Пента: сто двѣнадцать! Вѣрно! Все мое серебро цѣло! Ура! Гдѣ господинъ?

— Тутъ! откликнулся я.

Всѣ прибѣжали ко мнѣ.

— Гѣрра, ты правъ! воскликнулъ онъ,—я брошу мой сайва-тѣялемъ въ огонь!

— Не будешь больше и барабанъ спрашивать?

— Никогда! вотъ, гѣрра, на тебѣ два изъ этихъ ста двѣнадцати! я умѣю быть благодарнымъ и ты ихъ заслужилъ!

Я, со смѣхомъ, отвелъ его руку съ двумя талерами.

— Оставь ихъ себѣ, мнѣ ихъ не надо.

— О, гѣрра, какой ты добрый! Пойдемъ скорѣй домой! Я желаю сказать Снѣбрѣ—какъ я счастливъ! Но гдѣ же слуга?

— Вонъ онъ, тамъ!

Я показалъ вдалъ, гдѣ на окраинѣ снѣговой равнины, темной точкой виднѣлись санки.

— Уѣжжай! воскликнули всѣ.

— Оставьте его! сказалъ я,—пусть себѣ ищетъ другаго хозяина; но твоя правда, намъ надо торопиться, тетушка Снѣбра не знаетъ вовсе—гдѣ мы.

Не мало времени, однако, потребовалось для прощанія съ хозяевами; намъ пришлось закусить и выпить „юкастака“ (стаканчикъ водки); и только послѣ этого и вдоволь наговоривъ шись о приключеніи, могли мы пуститься въ обратный путь на своихъ лыжахъ.

Для того, кто обладаетъ крѣпкими колѣньями, движение на лыжахъ не составляетъ большаго труда, и дядя Пентъ скользилъ теперь по снѣгу съ гораздо большою легкостью, нежели прежде, когда ему не приходилось еще нести тяжелыхъ кошельей серебра. Чрезъ два часа мы возвратились въ шалашъ, обитатели котораго начинали безкоиться о насъ.

Когда мы усѣлись вокругъ огня, закусывая медвѣжьимъ мясомъ, Пентъ рассказалъ своимъ обо всемъ происшествіи. Результатомъ разсказа были громкія и восторженныя похвалы мнѣ. Дядя Зѣттѣ и молодой Неттѣ протянули мнѣ руку, Кейра и Анда, съ смиренными дружелюбіемъ, поклонились, а прелестная Марья привѣтствовала радостнымъ смѣхомъ, причемъ я жирное, лоснившееся отъ сала лицо напоминало кусокъ вѣчины, вынутый изъ соуса; старая тетушка Снѣбра? — о ужасъ!

наклонившись къ своему супругу и повелителю, нѣжнымъ тономъ прошептала:

— Атье—я его люблю! а, затѣмъ, обернувшись ко мнѣ, сказала:—зажмуруй глаза, я тебя поцѣлую!

Она бросилась на меня съ такимъ остервенѣніемъ, что я думалъ—она, вмѣсто „тыолестеть“ (цѣловать) желала меня „каркетъ“ (задушить) и, признаюсь, пока она напечатлѣвала на моемъ лицѣ свой „тыоластакъ“ (поцѣлуй), я „зажмуриль“ не одни глаза.

Дядя Пентъ, полюбовавшись съ улыбкой на это зрѣлище, полѣзъ, затѣмъ, въ одинъ изъ своихъ широкихъ кармановъ,

откуда вытащилъ „талисманъ“, который отобралъ у слуги еще въ шалашѣ сосѣда и прежде, чѣмъ мы попали къ роговому забору. Онъ бросилъ его въ огонь, сказавъ при этомъ:

— Господинъ, я дѣлаю то, что тебѣ обѣщалъ. Ты мнѣ доказалъ, что этотъ сайва-тѣялемъ вовсе не святые письмена, пусть же огонь пожретъ его. Но ты же оставайся у насъ, сколько желаешь, потому что ты намъ любъ и ты такой умный и добрый къ намъ, будто ты нашъ братъ или сынъ!

Огонь уничтожилъ строки неизвѣстнаго шутника и тѣнъ Гейне, вѣроятно, не будетъ вѣ обидѣ за то, что дядя Пентъ пересталъ носить на своемъ сердцѣ его стихи, въ качествѣ сайвы-тѣялемъ.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

I.

Nocturne.

Сладкимъ запахомъ сирени
Напоенъ душистый садъ,
И прозрачной ночи тѣни
Дымкой свѣтлою лежать.

* * *

Соловьи не умолкая
Звонко свищутъ надъ рѣкой,—
Отчего же, дорогая,
Въ эту ночь не ты со мной?..

* * *

Отчего я не цѣлую
Милыхъ губокъ и очей,
И головку золотую
Не прижалъ къ груди моей?..

* * *

Ночь свѣтла... Бѣлѣютъ тѣни,
Льется въ окна ароматъ,
Сладкимъ запахомъ сирени
Напоенъ нашъ старый садъ...

П. Гнѣдичъ.

II.

Изъ испанскихъ пѣсенъ.

(Гонгора).

Пчелка, пчелка золотая!
Ты куда летишь такъ рано?
Ни одна еще вершина
Не затеплилась разсвѣтомъ—
На травѣ густой и сочной,
Словно слезы, блещутъ росы—
Берегись—не то пожалуй
Смочишь крылья золотыя!
Посмотри: цветы всѣ дремлютъ,
Опустивъ свои головки;
Лепестки еще закрыты,
Стройный стебель наклонился...
Но ты быстро улетаешь,
Разъ намѣченной дорогой...
Пчелка, пчелка золотая!
Расскажи куда летишь ты?
Можетъ быть ты меду ищешь?
Не труди напрасно крылья—
Укажу тебѣ мѣстечко
Гдѣ всегда довольно меду.
Знаешь ты красотку Нису,
Нису съ черными глазами?
Ахъ! Уста ея такъ сладки!
Такъ дыханье ароматно...
На пунцовыkhъ нѣжныхъ губкахъ
Ненаглядной, милой Нисы—
Вотъ гдѣ медъ себѣ добудешь,
Пчелка, пчелка золотая!

Д. С.—ч.

ПРОИЗВОДСТВО ИЗЪ ОТБРОСКОВЪ.

Очеркъ Ф. Шпильбергъ.

Промышленность нашего времени, находясь подъ вліяніемъ двухъ наиболѣе примѣнныхъ къ практической жизни отраслей науки—химіи и физики, уподобляется, въ извѣстномъ отношеніи, экономной хозяйкѣ—подобно тому, какъ эта хозяйка старается извлечь пользу изъ ничтожнѣйшихъ остатковъ, такъ и современное намъ промышленное производство обратилось нынѣ къ переработкѣ собственныхъ отбросковъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, преобразовывая ихъ въ новыя торговыя цѣнности. Строго говоря, въ нынѣшней химической технологии не существуетъ отбросковъ, а есть только различіе между главными и второстепенными продуктами и притомъ—чѣмъ на какойнибудь фабрикѣ лучше идетъ выработка именно этихъ продуктовъ, тѣмъ лучшимъ указаниемъ это служитъ о хорошемъ дѣловомъ положеніи фабрики.

Чтобы видѣть—насколько сдѣлалось болѣе значительнымъ количество идущаго въ фабрикацію свѣжаго матерьяла, который прежде считался никуда негоднымъ и достоинство которого было неизвѣстно, вспомнимъ, напримѣръ, о многочисленныхъ видахъ растеній, служащихъ также для выѣлки тканей, или о древесинѣ, изъ которой приготавляется бумага, вообще, мы видимъ переработку всевозможныхъ остатковъ, и не только такихъ, какіе, обыкновенно, выбрасывались вмѣстѣ съ грязной фабричной водой, въ качествѣ предметовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго значенія, но и тѣхъ, которые, по своимъ вреднымъ свойствамъ, необходимо было удалять, хотя это выполнялось не иначе, какъ съ большимъ трудомъ и расходами. Въ этой двойкѣ дѣятельности производства второстепенныхъ продуктовъ заключается ея высокое значеніе и мы желаемъ указать нѣкоторые изъ многочисленныхъ примѣровъ ея. Тому, кто бывалъ на нашихъ горныхъ заводахъ, невольно, вѣроятно, бросались въ глаза цѣлые холмы желѣзныхъ шлаковъ и угла. Часто въ продолженіи столѣтій копились они тутъ, подверженные вліянію непогоды и воздуха, и никому никогда и въ голову не приходило, что вещества эти способны служить матерьяломъ для дальнѣйшей обработки, что въ нихъ безъ всякоаго вниманія брошены въ сторону миллионы: такъ,—вычислено, что въ одной Англіи, гдѣ нерѣдко фабрики, горные заводы и рудники обладаютъ очень ограниченнымъ пространствомъ, на удаленіе этихъ отбросковъ тратилось ежегодно до 500 тысячъ фунтовъ стер-

линговъ. Теперь же обожженные и искрошенные шлаки пресуются въ кирпичи для построекъ и мостовыхъ, превращаются въ цементную смѣсь или приводятся въ мелко-раздробленное состояніе, при посредствѣ сильной струи пара, пропущенной сквозь расплавленную огнемъ массу. Въ этомъ своемъ видѣ, какъ дурной проводникъ тепла и весьма чувствительные къ перемѣнамъ температуры, они служатъ прекраснымъ средствомъ для изолированія паровыхъ котловъ, ледниковъ и шкаповъ, устраиваемыхъ для сбереженія льда; вмѣстѣ съ тѣмъ, они же служатъ и для фильтрованія различныхъ жидкостей. Что же касается остатковъ каменного угля, имѣющихъ видъ, по большей части, пыльныхъ и сорныхъ массъ, то ихъ смѣшиваются съ варомъ, смолой, или дегтемъ и прессуются также въ кирпичи, употребляющіеся подъ именемъ „briquettes“, въ качествѣ очень распространенного дешеваго топлива; а такъ какъ до сихъ поръ десятая часть добываемаго во всемъ мірѣ каменного угля пропадала безслѣдно, въ видѣ пыли и сора, то отсюда можно заключить, насколько значительны суммы, сберегаемыя нынѣшнею промышленностью, если этимъ способомъ она возвращаетъ себѣ хотя только долю безполезно пропадавшаго матерьяла, имѣющаго такую большую цѣнность. Ядовитые газы доменныхъ печей употребляются нынѣ, съ большимъ успѣхомъ, какъ средство для просушки дровъ, добыванія изъ нихъ угля, а въ новѣйшее время предполагаютъ добывать изъ нихъ аммоніакъ, тогда какъ въ прежнее время, благодаря этимъ газамъ, мѣстности около доменныхъ печей оставались, обыкновенно, безлюдными. Мы остановимся нѣсколько дольше на невидимыхъ остаткахъ угля, такъ какъ одинъ изъ нихъ, получающейся при добываніи газа варъ, какъ сырой матеріалъ, превращенный въ горючее вещество—служить основой для особой отрасли промышленности.

Этотъ важный второстепенный продуктъ, не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, былъ источникомъ значительныхъ неудобствъ для газовыхъ заводовъ и только когда знаменитый химикъ Фардай—въ цилиндрахъ, въ которыхъ, до изобрѣтенія газопроводныхъ трубъ, обыкновенно доставляли газъ потребителямъ—открылъ грязноватый, маслянистый остатокъ—бензоль—какъ важнѣйшую составную часть смолы, только тогда могло разиться производство смолы или дегтя, не имѣющаго, во всей

химической техникъ, равнаго себѣ продукта по необычайному разнообразію примѣнности своей. Изъ маслянистыхъ частей дегтя добываются превосходная анилиновая краска, опредѣленіемъ свойствъ которыхъ, берлинскій профессоръ Вильгельмъ Гофманъ составилъ себѣ имя, и которая, въ короткое время, произвели совершенный переворотъ во всемъ производствѣ красокъ, такъ что въ однѣхъ германскихъ фабрикахъ ихъ вырабатываются до 25 тысячъ центнеровъ. Около десяти лѣтъ, наряду съ анилиновыми красками и другими, многочисленными красящими веществами, добываемыми изъ дегтя, получила большое значеніе искусственный ализаринъ, получающійся изъ дальнѣйшихъ остатковъ дистилляціи смолы—антрацита; продуктъ этотъ избавляетъ насъ отъ затруднительной культуры марены, дававшей до тѣхъ порь ализариновую краску, вслѣдствіе чего тысячи моргеновъ земли, прежде засѣивавшихся тѣмъ растеніемъ, могли быть обращены подъ хлѣбъ. Ежегодное производство ализарина изъ антрацита, доставляетъ миллионы, умножающіе народное благосостояніе, тогда какъ всего лѣтъ за десять предъ тѣмъ, эти миллионы безслѣдно исчезали въ сточныхъ трубахъ и каналахъ заводовъ. Другіе, близко связанные между собой продукты смолы, составляютъ бензинъ и искусственная бензиновая кислота, изъ нихъ первый служитъ для лекарствъ, а также какъ средство, выводящее пятна, вторая—какъ красильное вещество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, употребляется въ медицинѣ и при производствѣ благовонныхъ товаровъ; но, кромѣ того, та же темная смола даетъ намъ ярко-блѣдый, похожій на воскъ парaffинъ, а также и жидкіе освѣтительные матеріялы, обращающіеся въ торговлѣ подъ именемъ фотогена, минерального масла, нѣмецкаго петроля, далѣе—пріобрѣвшую такое значеніе въ хирургіи карболовую кислоту и, если можно такъ выражаться—ея близкую родственную, салициловую кислоту, также пикриновую кислоту, служащую могущественнымъ заживляющимъ средствомъ, и—асфальтъ.

Перечисливъ эти продукты дегтя, мы не исчерпали, конечно, всей области этой отрасли промышленности, но намъ кажется,—они достаточно указываютъ на ея разносторонность; не кажется ли то чудомъ, въ самомъ дѣлѣ, что одно и то же вещество—уголь—двигаетъ наши машины, отопляетъ и освѣщаетъ жилища, красить наше платье, служить матеріаломъ для мощенія улицъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—для выѣлки благовонныхъ духовъ и сильно излечивающаго и заживляющаго раны средства? А послѣ всего сказанного мы едва ли будемъ удивляться тому, что нынѣ извлекается польза изъ ничтожнѣйшихъ отбросковъ смолянаго и газового производства, что изъ сточной воды газовыхъ заводовъ добывается аммоніакъ, а изъ группы остатковъ—берлинская лазурь; слѣдующія немногія данныя показываютъ, какъ значительна роль этихъ новыхъ факторовъ производства: одна только фабрика въ Саксонской провинціи ежегодно перерабатываетъ 360 тысячъ лігнита (бураго угля) приблизительно въ 40 тысячъ центнеровъ смолы, изъ которой, въ свою очередь, добывается 18 тысячъ центнеровъ минерального масла и 10 тысячъ центнеровъ парaffина; въ то же время, въ Лондонѣ, теперь, продажа остававшихся прежде безъ всякаго употребленія отбросковъ, доставляетъ ежегодно около 10 миллионовъ марокъ.

Сода, или какъ ее называетъ химикъ—углекислый натръ, добывается уже въ теченіи восьмидесяти лѣтъ изъ поваренной соли особымъ химическимъ способомъ, въ которомъ главную роль играетъ сѣра; девять десятыхъ этой сѣры до сихъ порь совершенно пропадали въ фабричномъ производствѣ въ видѣ отбросковъ, которые, накопляясь около содовыхъ заводовъ цѣльми горами, портили воздухъ во всей сосѣдней окрестности, а во время дождей смѣшивались съ водой и отправляли всѣ потоки и источники. Теперь, въ этихъ отброскахъ открыли не только превосходное удобрительное средство, но, благодаря успѣхамъ химіи, нашли возможность возвращать изъ нихъ значительную часть дорого стоющей сѣры, а остающіеся послѣ такой „регенерациіи сѣры“ отброски превращаются въ одинъ изъ видовъ цемента; если же принять во вниманіе, что тонна сицилійской сѣры стоитъ 120 марокъ, тогда какъ обратное добываніе равнаго количества продукта изъ никуда негодныхъ, но еще и вредныхъ для здоровья остатковъ, обходится всего 20 марокъ, то не трудно видѣть—какъ велика получаемая при этомъ выгода.

То же самое экономическое явленіе мы наблюдаемъ и на ткацкихъ, и на прядильныхъ фабрикахъ. Въ шелкомотальныхъ количествѣ отбросковъ достигало почти 30%, бесплодно пропадавшаго продукта, теперь же, при помощи цѣлесообразно устроенныхъ машинъ, все это подвергается передѣлкѣ. Шерстяная мануфактуры приготовляютъ изъ лоскутьевъ матеріи, называемой шодди и мунго, совершенно новые фабрикаты, находящіе чрезвычайный сбытъ. Матеріи эти, конечно, принадлежать къ числу простѣйшихъ, но, зато, одѣваютъ сотни тысячъ бѣднаго народа, такъ, въ Англіи на ихъ изготавленіе потребляется ежегодно 67 миллионовъ тряпокъ. Отброски шерстяного производства, послѣ переработки, появляются на всесвѣтномъ рынке въ видѣ ваты или фитилей, или же идутъ на выѣлку бумаги. Изъ противныхъ отческовъ овечьей шерсти добывается поташъ, а изъ маслянистыхъ частей, содержащихся въ сточной водѣ суконныхъ фабрикъ, возвращается приблизительно восьмая

доля, что, напримѣръ, для одной только Австріи, согласно официальнымъ данными, составляетъ сбереженіе въ семьсотъ тысячъ марокъ. Надо помнить, что и эти всѣ отброски и остатки скоплялись въ прежнее время въ видѣ нечистотъ, за избавление отъ которыхъ мы настолько же обязаны быть благодарны промышленности, какъ и за ихъ переработку. Обратимся теперь къ другой области.

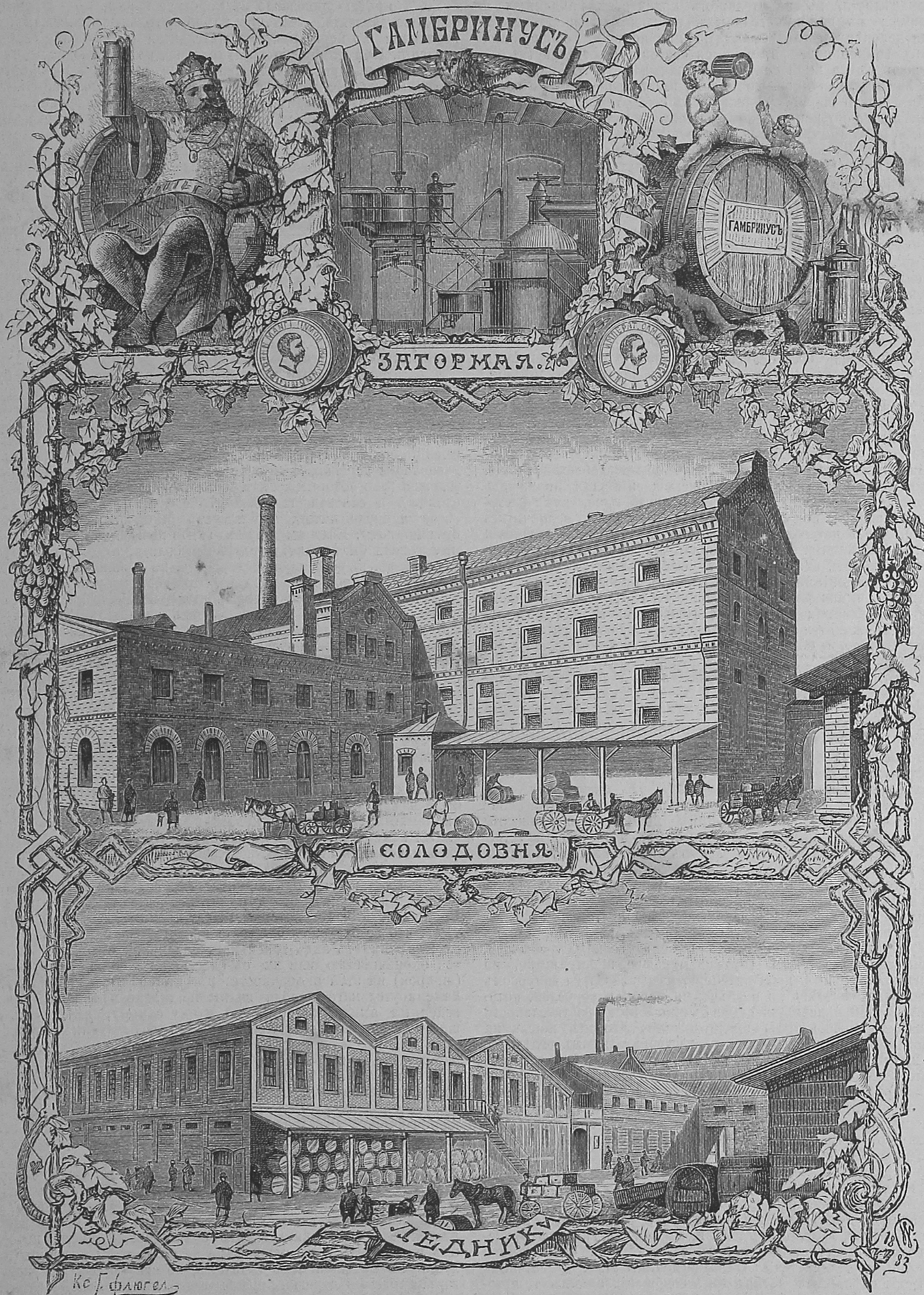
На большахъ заводахъ, изготавляющихъ рыбные консервы,—отброски превращаются въ искусственный желатинъ, а прессованные, въ видѣ небольшихъ четырехъ-угольныхъ лепешекъ, другіе остатки служатъ средствомъ для удобренія, кромѣ того рыбы чешуя положила основаніе совершенно новой вѣтви производства, доставляя матеріалъ для изготавленія различныхъ украшеній и искусственныхъ цвѣтовъ.

Значительное количество серебра и золота поглощается теперь фотографіей, которая по словамъ одного американскаго ученаго журнала, употребляеться, только въ Соединенныхъ штатахъ, почти на два миллиона марокъ. Въ настоящее время, химія изобрѣла способъ возвращать приблизительно половину этого количества, такъ что одно фотографическое заведеніе, въ теченіи трехъ лѣтъ, извлѣгаетъ обратно изъ своихъ остатковъ, обыкновенно два слитка чистаго серебра, цѣнностью до тысячи марокъ.

Мы дѣлаемъ большой скачекъ, переходя отъ этихъ благородныхъ металловъ къ такому веществу, какъ картофельная вода, въ большихъ количествахъ получающаяся на крахмальныхъ заводахъ, но и она получаетъ теперь примѣненіе: смѣшанная съ пивными дрожжами, она служить къ добыванію изъ мѣди яри; въ кипяченомъ состояніи она сообщаетъ прочный сѣрый цвѣтъ полотну и шерсти, а охлажденная—прекрасно чистить шерстяныя и шелковыя кружева. Отброски пивоваренья и винокуренъ (барда, солодъ и проч.) идутъ въ кормъ для скота или на удобреніе, а остающаяся на свеклосахарныхъ заводахъ излишняя патока, служить для куренія спирта. Изъ капатныхъ остатковъ приготавливается матеріалъ для книжныхъ переплетовъ, а изъ пробочныхъ частей, съ примѣненіемъ каучуковыхъ отбросковъ фабрикуются прочные ковры, или спасательные матрацы для путешествующихъ на морѣ. Изъ шерсти, служившей для очистки машинъ и изъ прессованныхъ оливокъ, при помощи сѣрнаго угля добываются послѣдніе масляничные остатки, а изъ опилокъ, при посредствѣ сильнаго гидравлическаго давленія, составляется твердая масса, превосходящая прочностію всякое дерево и прекрасно полирующаяся.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія, скажемъ нѣсколько словъ о животныхъ отброскахъ, получаемыхъ на бойняхъ; и здѣсь также мы видимъ многоразличную дальнѣйшую переработку этихъ отбросковъ, получившую свое начало, благодаря успѣхамъ современной химіи. О мясѣ, жирѣ, кожѣ, даже и костяхъ, идущихъ на искусственное удобреніе, и говорить, конечно, нечего. Но, куда дѣвается кровь, нѣкоторыя внутреннія части, копыта и проч. остатки? Промышленность нашего времени умѣетъ извлекать пользу изъ всего этого: вываренные волокна мяса, жилы смѣшиваются съ кровью, сушатся въ высокой температурѣ и превращаются въ пульверизированную мясную муку и въ прессованныхъ формахъ идутъ въ торговлю для корма животныхъ. Изъ крови добываются громадныя количества альбумина (блѣковина), сдѣлавшагося чрезвычайно важнымъ вспомогательнымъ средствомъ въ красильномъ дѣлѣ и для фотографіи. Изъ телячьихъ и бараньихъ ножекъ извлекаются коштоное масло и копытный жиръ, тогда какъ копыта, въ одно и то же время, употребляются на выѣлку пуговицъ и входять ингредіентомъ при производствѣ синеродистаго кали. Все то, что еще отъ боенъ остается послѣ этихъ фабрикатовъ, просушивается и идетъ на удобреніе. „Нечистоты, отброски и грязь,—сказалъ одинъ великий химикъ—ничто иное, какъ матерія, находящаяся на не надлежащемъ мѣстѣ,—и выраженіе это, всего болѣе примѣнено къ послѣднимъ животнымъ остаткамъ, которые, или въ качествѣ удобряющаго вещества, возбуждаютъ растительную жизнь, или же какъ мертвое тѣло, истлѣвая, содѣствуютъ развитію новыхъ организмовъ. Не можемъ не упомянуть хотя бы вскользь и о тѣхъ отброскахъ, которые во всемирной экономіи играютъ, можетъ быть, одну изъ самыхъ значительныхъ ролей—мы говоримъ объ экскрементахъ животныхъ и людей, признаваемыхъ знаменитымъ творцомъ земледѣльческой химіи, Либихомъ, единственнымъ средствомъ, поддерживающимъ производительную силу почвы; предѣлы этого очерка не даютъ намъ возможности войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе важнаго вопроса объ ихъ обработкѣ, распределеніи, а также о наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ доставки ихъ изъ жилищъ на поля.

Мы не могли здѣсь изслѣдоватъ, съ полною основательностью, всѣ области производства изъ отбросковъ, нашей цѣлью было слегка очеркнуть нѣкоторыя важнѣйшія вѣтви этой промышленности, на которыхъ мы могли показать, что великий принципъ новѣйшей науки о природѣ, что въ мірѣ не пропадаютъ ни сила, ни матерія, отсвѣчивается и въ менѣе значительной сфере—въ сфере труда; вмѣстѣ съ тѣмъ эти вѣтви промышленности ярко указываютъ намъ на связь между наукой и безчисленными задачами практической жизни; возстановленіе полезности вещества—великий законъ природы.

Пивоваренный заводъ „Гамбринусъ“ въ СПб. Ориг. рис. К. Вергеймъ, грав. Флюгель.

Изъ каменноугольного периода.

Очеркъ I. Штанде.

Окаменѣлости, въ значительномъ количествѣ найденные и находимыя въ каменноугольныхъ наслойніяхъ и залежахъ, подали человѣку мысль возсоздать, при помощи воображенія, картину земной коры, въ томъ ея состояніи, когда растительная жизнь имѣла иной видъ, нежели нынѣ. Почти каждое — болѣе или менѣе научное—сочиненіе, излагающее исторію образования земного шара, содержитъ въ себѣ такіе „идеальные“ ландшафты давно прошедшихъ временъ и изъ нихъ наиболѣе странный и необычный видъ имѣютъ картины каменноугольного периода. Тогдашніе гигантскіе, древообразные хвои и папоротники превратились въ столь мелкія растенія, что, въ сравненіи съ прежними, могутъ быть названы не болѣе, какъ карликами.

Отиски тѣхъ исчезнувшихъ растеній на слояхъ каменного угля—своего рода факсимиле, оставленные ими позднѣйшимъ временамъ, но—насколько трудно по какому нибудь древнему преданію, или пожелтѣвшему уже листку забытаго письма, либо силуэтному изображенію, составить себѣ ясное понятіе о какомъ нибудь лицѣ, настолько же трудно и настолько же мало удалось до сихъ поръ создать хоть отчасти подходящую картину каменноугольного периода, съ помощью тѣхъ обломковъ, которые это ископаемое топливо доставляетъ ученымъ.

Каменный уголь составляетъ неотъемлемую принадлежность современной культуры, составляя, чрезъ посредство горѣнія, ту колоссальную массу силы, которой человѣкъ располагаетъ нынѣ для своихъ паровыхъ машинъ; каменный уголь замѣняетъ собой прежній трудъ рабовъ и даетъ его въ такихъ размѣрахъ, которые показались бы намъ баснословными, еслибы мы ежедневно сами не убѣждались въ томъ; почему вопросъ объ образованіи залежей каменного угля имѣть великое общее значеніе.

Относительно растительного происхожденія угля не можетъ быть никакого сомнѣнія. Уголь есть ничто иное, какъ растенія, развившіяся подъ живительнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и, чрезъ истребленіе солнечной теплоты, образовавшія угольныя соединенія. Теплота, обнаруживаемая ими во время горїнія, исходитъ отъ солнца; это есть „солнечная сила“, поглощенная растеніями каменноугольного периода и вновь, посредствомъ химико-физического процесса горїнія, освобождаемая и направляемая къ новой дѣятельности; въ каждомъ кусочкѣ угля находится эта солнечная сила, собранная растеніями, которая однако, въ большинствѣ случаевъ, утратили свою форму и только, изрѣдка, благодаря какимъ-нибудь есбененнымъ благоприятнымъ обстоятельствамъ, удержалася въ цѣлості иной остатокъ, какъ бы для того, чтобы указать на тѣ растенія, которые участвовали въ образованіи каменного угля. Колossalныя массы растительныхъ остатковъ, находимыхъ въ угольныхъ залежахъ, мало имѣютъ общаго съ нынѣшней растительностью. Нѣкоторое время принимали, что матерьяломъ для образованія угля послужили массы морскихъ водорослей, но такой взглядъ оказался неправильнымъ, въ виду того, что въ залежахъ находятся остатки также растеній суши и ея водъ. Древнѣйшіе слои, не содержащіе въ себѣ формъ, можетъ быть и обязаны происхожденіемъ морскимъ водорослямъ, хотя это отсутствіе формъ объясняется, вѣроятно, самимъ процессомъ обугливанія, который былъ тѣмъ разрушителѣнѣе, чѣмъ долѣе онъ продолжался. Позднѣе, т. е. въ ближайшихъ намъ формацияхъ, находятся папоротники, цикады и хвойныя растенія; едва ли возможно обобщить происхожденіе различныхъ каменноугольныхъ залежей. На основаніи геологическихъ данныхъ, известно, что въ эпоху образованія древнѣйшихъ каменноугольныхъ залежей, твердая земля занимала гораздо меньшее пространство, по сравненію съ моремъ, нежели теперь, и если задаться вопросомъ о томъ, куда дѣвались тѣ необыкнѣнныя массы водорослей, которыхъ выростали и исчезали вновь съ появлениемъ растительности на суши, то можетъ быть, предположеніе, что онъ пошли на образованіе угля, и послужить удовлетворительнымъ отвѣтомъ, хотя прямыхъ доказательствъ и нѣтъ, потому что въ массахъ чистаго угля присутствіе несомнѣнныхъ остатковъ водорослей такъ же рѣдко, какъ и присутствіе остатковъ растеній суши. Согласно изслѣдованіямъ Рейншта вещества каменного угля, главнымъ образомъ, состоится изъ растительныхъ образованій совершенно особенного рода, не схожихъ никакъ съ нынѣшними формами и скорѣе имѣющихъ средство съ тѣми микроскопическими существами, которыя, подобно бактеріямъ, занимаютъ низшую ступень въ нашей растительной системѣ.

Обугливаніе происходило двоякимъ образомъ—или вслѣдствіе нагрѣванія и при удаленіи воздуха, или же вслѣдствіе постепенного гніенія подъ давленіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудненія воздуху доступа. Дерево, въ массахъ, съ необычайной быстротой, превращается въ глыбы каменного угля; чрезвычайно интересны сдѣланныя Петцольдомъ сообщенія о кольяхъ, которые, будучи вбиты въ твердую почву и, затѣмъ, силою пара скаты и крѣпко сдвинуты, приобрѣли большую тяжесть и укоротились на одну треть, а ихъ оконечности, находившіяся въ водѣ, обуглились и приняли видъ, необыкновенно схожій съ безформеннымъ каменнымъ углемъ.

То, что здѣсь произошло въ короткое время, подъ вліяніемъ сильнаго давленія,—тамъ, въ каменноугольныхъ залежахъ, совершаются въ періоды продолжительные и при болѣе слабомъ давленіи. При отсутствіи воздуха и подъ тяжестью воды, гніющія и тлѣющія растенія превращаются въ массы торфяного и каменноугольного образованія, почему и предполагается, что каменный уголь облазанъ своимъ происхожденіемъ тропическимъ болотнымъ растеніемъ: растенія эти, во время морскихъ приливовъ, смѣшивались съ пѣной его и пескомъ и образовали почву, на которой распустился новый, роскошный растительный міръ, между тѣмъ какъ скученные подъ ними и лишенные воздуха массы остатковъ прежнихъ растеній превратились въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій въ каменный уголь.

Но, принимало ли море столь значительное участіе въ образованіи каменного угля, покрывая болота своей отвердѣвшей пѣной—это еще вопросъ, не вполнѣ решенный, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Саксъ открылъ, что въ нѣкоторыхъ шлезвигскихъ залежахъ росли мотучіе первобытные лѣса, которые были—какимъ-то переворотомъ—повалены и прикрыты слоемъ, препятствовавшимъ ихъ гніенію, такъ какъ и вынѣ, въ сланцевыхъ пластахъ, прикрывающихъ каменный уголь, ясно видны стволы нѣкоторыхъ допотопныхъ деревьевъ, въ пятнадцать метровъ высоты и одинъ метръ ширины.

Лѣса эти могли быть повалены или ураганами, или же бурными морскими приливами; но первые только обломали бы стволы и образовали бы наслойнія песку, а потому—причину скорѣе надо видѣть въ приливахъ, разрушившихъ болотные лѣса; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, приходится исключить и вліяніе именно моря, ибо глубокіе морские приливы вырвали бы и увлекли бы деревья, мелкіе же не могли бы отлагать глиняныхъ залежей (изъ которыхъ, съ теченіемъ времени, образовываются сланцы), а занесли бы пескомъ стволы, и, вслѣдствіе того, остается предполагать, что лѣса тѣ были повалены потоками прѣсной воды. Если мы допустимъ, что нынѣшніе каменноугольные залежи были нѣкогда торфяныхъ болота, то достаточно уже катастрофы, въ родѣ происходившихъ, въ древности, въ Тиролѣ и на Рейнѣ наводненій, для того, чтобы создать условія, необходимыя къ постепенному превращенію доисторическихъ торфовъ въ каменный уголь, играющій столь значительную роль въ эпоху историческую. Новѣйшія наводненія также наполнили низменности пѣной и пескомъ и покрывали большія пространства плодоносныхъ полей пустымъ слоемъ осадка, и тамъ, где образовались торфяные болота—создавались, по обыкновенію, и условія къ превращенію ихъ въ каменноугольные залежи, если только, конечно, человѣкъ не сталъ бы мѣшать этой геологической работе; въ пользу предположенія о болотистомъ характерѣ каменноугольного образованія, говорятъ еще другія открытія: въ гладкомъ кремневомъ пластѣ каменноугольного периода Вань-Тикгемъ нашелъ окаменѣлые остатки растеній, похожихъ на корни тиса и кипариса и въ которыхъ можно было видѣть признаки болѣзненнаго измѣненія ко времени ихъ окаменѣнія; микроскопъ показалъ въ этихъ корняхъ тѣ же самыя измѣненія, какія происходятъ въ обломкахъ молодаго тиса и корняхъ кипариса, положенныхъ въ воду; въ нихъ развивается тогда организмъ, уничтожающій ткань и оболочку клѣточекъ, такъ что отъ корня остаются только твердые части и верхняя кожица; этотъ организмъ есть такъ называемый *Bacillus amylobacter*, который, между прочимъ, извѣстенъ именно тѣмъ, что возбуждаетъ броженіе кислотъ, находящихся въ маслѣ; онъ имѣетъ видъ тоненькой, маленькой ниточки съ загнутой оконечностью или же съ блестящей точкой—отросткомъ (шпорой) на этой оконечности; въ окаменѣлыхъ корняхъ тиса каменноугольного периода видны не только измѣненія, произведенные амилобактеромъ, но и ему самому, вмѣстѣ съ его шпорами, пришлось окаменѣть. И въ тѣ отдаленныя времена, какъ видимъ, существовало уже то маленькое созданье, которое приводитъ въ броженіе и мясо, и молоко, и сыръ.

Такимъ образомъ, въ болотахъ каменноугольного периода ткань одинаковыхъ растеній, одинаковыхъ мѣстностей, разрушалася тѣмъ же самымъ паразитомъ, какъ и въ болотахъ нашего времени; амилобактеръ, тогда, какъ и нынѣ, былъ великимъ разрушителемъ этой растительной ткани, а броженіе маслянистыхъ кислотъ, которое онъ возбуждаетъ въ веществѣ клѣточекъ, имѣетъ значеніе общаго явленія въ органическомъ мірѣ. Въ какой степени амилобактеръ способствовалъ разрушенію растеній каменноугольного периода—этого, конечно, никогда нельзя будетъ определить, несмотря даже на то, что въ настоящее время указанъ тотъ значительный вредъ, который онъ причиняетъ тамъ овощамъ; уже съ начала нынѣшняго столѣтія, въ Соединенныхъ Штатахъ, по сю сторону Скалистыхъ горъ, плодовые деревья поражаются разрушительной болѣзнью, которая состоитъ въ томъ, что листья или стволъ какъ бы сгораютъ; болѣе всего страдаютъ грушевые и айва, менѣе—яблони; болѣзнь эта, повидимому, непоявлявшаяся въ Европѣ, замѣчена также и на итальянскомъ тополѣ, на американской осинѣ и орѣшнике. Сперва причину этого недуга искали въ застояхъ

и стущеніи сока и въ особенностихъ почвы, но вскорѣ убѣдились въ томъ, что болѣзнь происходитъ отъ амилобактера; слишкомъ частое и безцѣльное поливаніе комнатныхъ цвѣтковъ причиняетъ имъ болѣзни, въ которыхъ также оказывается вліяніе амилобактера, которому, обыкновенно, приписывается и истребленіе деревьевъ нѣкогда прелестной аллеи на Вѣнскомъ Рингѣ: ихъ держали въ черезчуръ большой сыростіи и холодная зима доконала деревья. Вѣнскій Рингъ, грушевыя и айвовое деревья Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки не имѣютъ, повидимому, никакого отношенія къ каменноугольному періоду, но — однако, между ними есть нѣчто общее, а именно — названное выше маленькое существо; и если уничтожились первобытныя растенія, служившія столь роскошнымъ украшеніемъ тогдашней земли и о которыхъ растильность нашихъ тропиковъ едва можетъ дать приблизитель-

ное понятіе; если мы болѣе не встрѣчаемъ тѣ странные пиззіе организмы, которые, собирали матеріаль для образованія каменноугольныхъ залежей, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно и точно удостовѣreno, что въ сѣдую древность не однѣ выступающія изъ береговъ рѣки, но и бактеріи дѣлали свою разрушительную работу, какъ въ нынѣшнее время. Земля содержитъ въ своихъ нѣдрахъ еще большія богатства каменного угля, но такъ какъ изъ запаса безостановочно берется и онъ ничѣмъ не пополняется, то — придется же время, когда иссякнетъ этотъ источникъ тепла и механической силы; какъ бы отдалено это время ни было, но оно должно все таки прийти; можетъ быть, тогда о нашей эпохѣ будутъ говорить такъ же, какъ мы говоримъ теперь о каменноугольномъ періодѣ, можетъ быть будетъ найдено и другое средство, необходимое для механической дѣятельности.

Къ рисункамъ.

Во ржи.

(Рис. на стр. 684 и 685).

Поле, колосящееся густою сплошью рожью. Отъ сухихъ колосьевъ пахнетъ хлѣбомъ, пышетъ оттуда жаромъ яркаго, лѣтняго полудня. Въ золотѣ колосистыхъ волнъ синѣютъ васильки, пылаютъ головки маку. Молодые люди, быть можетъ женихъ и невѣста, гуляютъ въ полѣ... Сдержанная при постороннихъ страсть вырывается наружу.... Удачное выраженіе забытья любви въ этотъ горячій, безмолвный полдень — все это схвачено французскимъ художникомъ весьма удачно.

Раненый.

(Рис. на стр. 689).

Мы уже не одинъ разъ представляли нашимъ читателямъ копіи съ рисунковъ и картинъ талантливаго Рубо, посѣтившаго Кавказъ, который далъ художнику столько впечатлѣній. Настоящая, простая, несложная по замыслу, картина — цѣлая драма. Молодой кубанскій казакъ, смертельно раненый, склонился на плечо своего старшаго товарища, лицо котораго, грустное и сердитое, выражаетъ его чувства горя и сожалѣнія о любимомъ товарищѣ. Лошади тихо идутъ; конь раненаго понурилъ голову, точно тоже чуетъ что-то недобро; поводья брошены и никогда уже обезсиленная рука всадника не подтянетъ разгоряченного коня, не остановитъ, не заставитъ броситься въ самый пыль схватки... Товарищъ бережно поддерживаетъ раненаго своей сильной рукой и старается не причинить ему боли, не разбредить его раны.

Деревенскій разнощикъ.

(Рис. на стр. 692).

Теперь, съ развитиемъ желѣзныхъ дорогъ, когда торговцы и въ отдаленные пункты могутъ привозить всякий товаръ, этотъ родъ развозной и разносной торговли „коробейничества“ все болѣе и болѣе упраздняется. Между тѣмъ на нашихъ глазахъ еще типъ коробейника былъ очень распространенъ. Коробейникъ разѣжжалъ и ходилъ по усадьбамъ, по селамъ и деревнямъ. Въ усадьбахъ люди жили по долгу, не выѣзжая въ городъ и потому накапливались всегда надобности во всякихъ тварахъ, которыми удовлетворялъ коробейникъ. Пріѣздъ его въ деревню всегда былъ цѣлымъ событиемъ. Кругомъ телѣги толпились особенно молодыя бабы, разматывая ситцы, платки, бусы, иногда и мужикъ приглядывалъ новый кушакъ или расписной платокъ — пощеголять на базарѣ.

„Эй Федосьюшки, Варварушки!
Отпраите сундуки!
Выходите къ намъ, сударушки,
Выносите пятаки!

Вотъ на первомъ планѣ молодая баба уже купила яркую, алу ленту и любуется ею. Другая идетъ, купивши пряникъ для малютки, который у нея на рукахъ. Мужикъ у телѣги смотритъ кушаки и платки, развертываемые торговцемъ... Лишь одни беззаботныя дѣтки мало интересуются пріѣзжимъ. Имъ не нужно ни нарядовъ, ни кушаковъ. Они себѣ заняты своими играми, строятъ городки, которыми очень заинтересована, повидимому, крохотная дѣвочка, остановившаяся со своей телѣгой сколо группы маленькихъ строителей.

Въ нашей литературѣ есть прекрасная поэма „Коробейники“ Н. А. Некрасова, гдѣ типъ этотъ обрисованъ ярко и мѣтко. Въ „Нивѣ“ былъ рисунокъ, изображавшій одинъ изъ эпизодовъ этой поэмы (именно: 1881 г., № 25) „Свиданіе“, одно изъ поэтическихъ мѣстъ этого произведения Некрасова.

Источникъ близъ Мшатки, въ Крыму.

(Рис. на стр. 693).

Красота южнаго берега Крыма пользуется вполнѣ заслуженной известностью; природа является здѣсь во всемъ своемъ разнообразіи и обаятельной прелести, и путникъ, утомленный на

пути въ Крымъ отъ Перекопа одпообразными видами степей, наконецъ можетъ вдоволь наслаждаться тѣми роскошными картинами, которая лишь отчасти передаются въ произведеніяхъ кисти Айвазовскаго и другихъ нашихъ маринистовъ. Дѣйствительно, въ каждомъ ландшафтѣ южнаго берега Крыма вода играетъ необходимую роль, такъ какъ около нея лишь группируется здѣсь и жизнь, и растительность. Каждый даже небольшой источникъ прѣской, хорошей воды считается здѣсь драгоценностью, такъ какъ почва Крыма вообще на нихъ скуповата. Самая большая рѣчка полуострова — это Салгиръ, столь воспѣтый поэтами; но этотъ Салгиръ на самомъ дѣлѣ очень ничтожная рѣченка, и если небываетъ дождей въ іюлѣ мѣсяцѣ, то онъ едва струится, а въ августѣ русло его дѣлается совершенно сухимъ. Но несмотря на это, главные обитатели края — татары относятся къ Салгиру съ какимъ то суевѣрнымъ уваженіемъ и онъ играетъ немалую роль въ ихъ пѣсняхъ и легендахъ.

Особенное обилие воды на южномъ берегу Крыма встрѣчается лишь за Ливадіей, гдѣ незначительные ручьи попадаются безпрестанно и изъ нихъ нѣкоторые доходятъ до самого моря; между приморскими ручьями особенно известны тѣ, которые текутъ здѣсь около небольшихъ деревень: Михалетки, Мшатки, Фароса и Ласпи.

Деревня Мшатка, почва которой омыается источникомъ, очень красива и около нея группируется много садовъ и дачъ различныхъ частныхъ владѣльцевъ. На рисункѣ представленъ одинъ изъ живописныхъ пунктовъ на берегу источника. Берегъ моря здѣсь дикъ, но очень картиченъ; множество живописныхъ мысовъ придаютъ ему особенную красоту; между мысами самый гигантскій — это Сарычъ или древній Фаросъ, выдающійся въ море утесомъ и служащий самимъ крайнимъ предѣломъ южнаго берега Крыма. Отъ Мшатки идетъ прямая дорога на Ласпи — прелестную, хотя и пустынную мѣстность, гдѣ до сихъ поръ видны остатки древнихъ греческихъ построекъ и даже слѣды циклопическихъ сооруженій. Но Ласпи мало посѣщается нашими туристами и этотъ отдаленный уголокъ крымского прибрежья, одаренный чудной природой и прекраснымъ, цѣлебнымъ воздухомъ, до сихъ поръ остается въ незаслуженномъ забросѣ и запустѣніи.

Заводъ „Гамбринусъ“.

(Рис. на стр. 697).

Еще издали подѣлжая къ Петербургу, видны безчисленныя дымящіяся трубы фабрикъ и заводовъ и ихъ громадныя зданія съ ярко освещенными по ночамъ газомъ окнами. Но многимъ ли известно, какъ громадно общее производство столицы и какъ велики размѣры отдѣльныхъ заводовъ и фабрикъ.

Пиво теперь стало любимымъ и весьма употребительнымъ напиткомъ въ Петербургѣ и въ Россіи вообще во всѣхъ классахъ населенія. Между тѣмъ вошло оно въ такое всеобщее употребленіе на нашихъ глазахъ. Изъ числа громадныхъ пивоваренныхъ заводовъ столицы, здѣсь мы для примѣра представляемъ рисунокъ, изображающій пивоваренный заводъ „Гамбринусъ“, находящійся въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, и сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія по дѣлу пивоваренія.

Пиво варится въ Петербургѣ исключительно изъ ячменя и хмѣля. Ячмень пріобрѣтается заводами въ Россіи, хмѣль же привозится изъ Баваріи и Австріи. Въ настоящее время начинаютъ уже многие разводить его и у насъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и надо думать, что вскорѣ Россія совсѣмъ не будетъ нуждаться въ привозномъ хмѣлѣ.

По поступленіи ячменя на заводъ, его чистятъ, моютъ и разсыпаютъ на цементированные полы, гдѣ ячмень пускаетъ ростки и остается здѣсь до требуемаго развитія. Въ такомъ видѣ ячмень пріобрѣтается название солода, а часть завода, гдѣ происходитъ произрастаніе ячменя, называется „солодовня“. Солодъ пересыпаютъ изъ солодовни въ „сушильню“, въ которой стоять большія проволочные решета. Солодъ сушится при постепенно возрастающей температурѣ до 60—70°. Вышедши же ростки отпадаютъ здѣсь и солодъ при обыкновенной температурѣ нѣкоторое время оставляется выле-

жать. Затемъ сололь размельчаютъ толчямы и въ такомъ видѣ засыпаютъ въ заторные чаны, въ которыхъ размѣшиваются съ водой при постепенно возвышающейся температурѣ до 60°.

Изъ заторного чана перекачиваются всю массу въ „вспомогательные“ чаны, изъ которыхъ жидкость (сусло) переливается въ котель громадныхъ размѣровъ и здесь варится определенное время вмѣстѣ съ хмѣлемъ.

Сваренное сусло выкачиваются на большія тарелки (холодильники), гдѣ оно стынетъ и потомъ еще черезъ холодильный аппаратъ его пропускаютъ въ бродильные чаны, въ которые примѣшиваются дрожжи и гдѣ происходитъ броженіе, продолжающееся около 15 дней. Изъ этихъ чановъ перекачиваются сусло — теперь уже пиво — въ большія бочки, хранящіяся въ ледникахъ.

Здѣсь пиво остается отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ, при температурѣ въ 0°. По прошествіи же этого времени оно становится годнымъ для продажи и употребленія.

На рисункѣ нашемъ изображена вверху — внутренность заторного отдѣла, въ срединѣ справа — заторный отдѣлъ снаружи, а слѣва — солодовня. Въ нижней части изображены заводскіе подвалы.

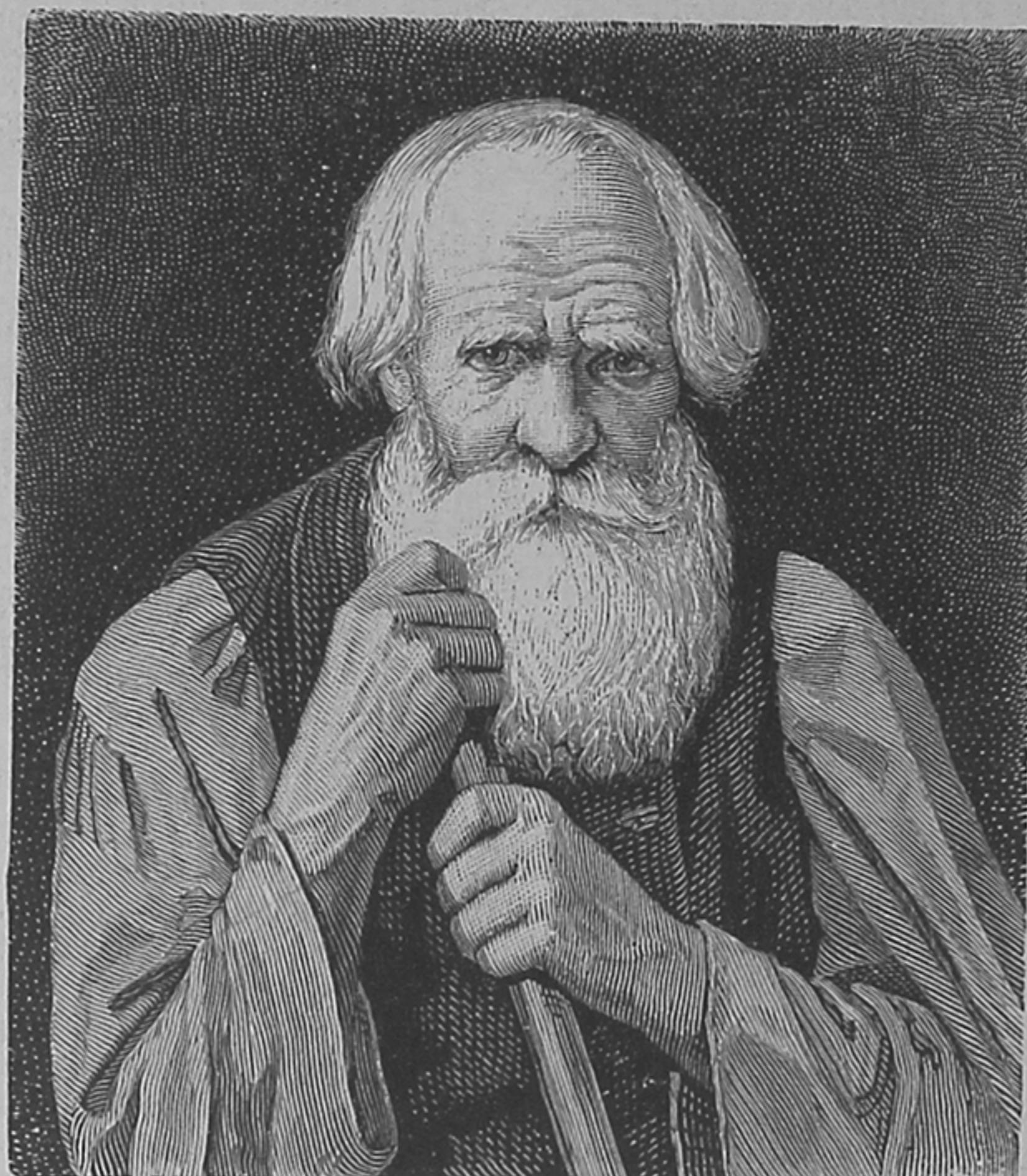
Пивоваренный заводъ „Гамбринусъ“ — одинъ изъ старѣйшихъ и извѣстѣйшихъ заводовъ въ Петербургѣ, пользующійся хорошей репутацией. Акционерная учрежденія 70-хъ годовъ по этой отрасли промышленности, съ громадными основными капиталами, затруднили теперь однако дѣла этого завода.

Переходъ сказанного завода „Гамбринусъ“ въ прошломъ году въ умѣлья руки людей опытныхъ, вѣроятно скоро опять подыметъ дѣло до прежняго его положенія.

Старикъ 122 лѣтъ отъ роду.

(Портретъ на этой стр.).

Одинъ изъ нашихъ подписчиковъ, художникъ, г-нъ Игоревъ, лѣтомъ бывши въ Саратовѣ и проходя по Сергіевской улицѣ, увидѣлъ сидящаго на входныхъ ступеняхъ Сергіевской

Старикъ 122 лѣтъ, Саратовской мѣщанинъ Н. Шарыпкинъ.
Съ фотограф. грав. Ю. Барановскій.

я 10-ти годочковъ всего. Отецъ мой, Иванъ Игнатьевичъ Шарыпкинъ, умеръ 120 лѣтъ, бабушка Лукерья Васильевна жила тоже около 120 лѣтъ и работала до самой смерти: а дѣдъ мой, Игнатій Алексѣевичъ, жилъ 150 лѣтъ и умеръ-то на ногахъ.“

Что же касается самого Никифора Иванова, онъ видимо еще здоровъ и довольно твердъ, ходить не жалуясь на усталость, говоритъ и разсуждаетъ здраво, только слабенекъ сталъ слухомъ. Онъ ни разу серьезно еще не болѣлъ. Хотя такие люди и рѣдки, но все таки значить есть. Не обо всѣхъ конечно извѣстно.

Политическое обозрѣніе.

Турція.—Англія.—Франція.—Іспанская гавань въ Марокко.

Турки, кажется, нѣсколько поторопились торжествовать побѣду надъ албанцами; по крайней мѣрѣ, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, воины Абд-уль Гамида болѣе, чѣмъ „затрудняются“ возложеніемъ на нихъ дѣломъ усмирѣнія силой оружія въстанія въ округахъ Албаніи, а потому Гафизу-Пашѣ, командающему экспедиціей, пришлось испробовать иныхъ средствъ: онъ обратился къ католическому архиепископу Скадрской епархіи, съ просьбой о посредничествѣ; архиепископу и удалось убѣдить нѣкоторую часть котти, груды и кастрати отѣлиться отъ мятежа; албанскіе горцы, впрочемъ, хотя и согласились, но, съ условіемъ, что у нихъ не потребуютъ выдачи оружія и что имъ будетъ уплачено вознагражденіе за убытки, причиненные турецкими войсками. — Прекрасное средство справляться съ бунтовщиками и прекрасно характеризующее силу и могущество государства, которое пользуется подобными средствами; оно можетъ, однако, способствовать развитію благосостоянія въ средѣ албанскаго народа, являясь для него выгоднымъ предпріятіемъ, къ которому, надо думать, народъ этотъ будетъ прѣбывать не рѣдко. Но въ то же время, не умѣя сладить съ горстью горцевъ, Порта старается показать видъ, что она въ силахъ требовать у великихъ европейскихъ державъ всего, чего желаетъ; такъ напримѣръ, недавно она пренапивно обратилась къ англійскому правительству съ увѣреніями и заявленіями, что въ вопросѣ Суэзскаго канала, безъ ея предварительного согласія, не можетъ произойти никакихъ измѣненій въ нынѣщихъ условіяхъ.

Однако, измѣненія въ этихъ условіяхъ произошли и, при томъ, безъ всякаго дозвolenія Порты. Лессепсъ былъ въ Лондонѣ, гдѣ и состоялось соглашеніе, на основаніи котораго бу-

дется проведенъ второй каналъ, на средства, доставленныя англійскимъ правительствомъ, въ размѣрѣ 8,000,000 фунтовъ стерлинговъ; это обстоятельство указываетъ, что англичане обезпечиваютъ себѣ широкое участіе въ завѣдываніи новымъ сооруженіемъ, а также, повидимому, и всѣмъ дѣломъ; между прочимъ, вице-президентомъ компаніи отныне будетъ англичанинъ, но кроме него компанія приметъ на свою службу и еще другихъ англичанъ: инспектора, лоцмановъ и т. д. Колоніальная политика Франціи не разъ уже приводила ее къ столкновенію съ Англіей; недавно вновь произошло нѣчто подобное на Мадагаскарѣ. Французскій адмиралъ Пьерръ, командующій экспедиціонной эскадрой, круто обошелся съ нѣсколькими проживавшими въ Гамагавѣ подданными королевы Викторіи, „приказавъ“ имъ немедленно удалиться оттуда, арестовавъ нѣкоторыхъ и прервавъ сообщеніе англійского военного судна съ берегомъ; Гладстону было все это донесено, вслѣдствіе чего, конечно, истребованы у французского правительства объясненія, но въ ту минуту, что мы пишемъ, оно не можетъ ихъ дать, такъ какъ не имѣтъ еще свѣдѣній отъ Пьера. Гавасскіе посланники недавно возвращались въ Лондонъ, кудаѣди откланялись, въ виду своего возвращенія въ отечество. Правительство королевы Рановало, повидимому, соглашается на два изъ трехъ главныхъ требованій своего могущественнаго (съ слабыми) врага: предоставление французскимъ подданнымъ права полнаго владѣнія землей, уплата военного вознагражденія въ 1,200,000 франковъ, по отвергаетъ третье условіе — протекторатъ Франціи надъ сѣверо-западной частью острова. Что касается Тонкинской войны, то тамъ французскія дѣла подвигаются съ прежней успѣшностью и быстротой, оттуда гораздо болѣе слышно о „пиратахъ чернаго флага“, нежели о побѣдахъ славныхъ французскихъ войскъ. Въ

церкви древняго старика, мѣщанина Никифора Шарыпкина, и, какъ художникъ, заинтересовался типомъ. Онъ просилъ старика, чтобы тотъ пришелъ къ нему въ гостиницу, такъ какъ желалъ написать съ него портретъ. На другой же день, въ назначенный часъ, старики пришелъ. Художникъ написалъ со старика этюдъ; копію съ этюда этого мы здѣсь и помѣщаемъ. Во время сеанса старики разсказывали о своемъ прошедшемъ житѣ-бытьѣ и кое что о Саратовѣ. Онъ былъ крѣпостнымъ господина Шахматова, недолго ими владѣвшаго, котораго братъ былъ, по разсказу старика, для крестьянъ баринъ добрый и отпустилъ его на заработки въ Петербургъ, гдѣ Шарыпкинъ по своему ремеслу, былъ въ придворныхъ мастерскихъ кузнецомъ и носилъ форменный кафтанъ. Но когда устарѣлъ, то рѣшился возвратиться въ Саратовъ, гдѣ женился на второй женѣ, отъ которой есть уже дочь, девушка 16 лѣтъ, находящаяся въ ученьи въ швейномъ магазинѣ. Къ этому старики добавилъ, что у него есть еще сынъ отъ первого брака, которому теперь 90 лѣтъ. „Вотъ ужъ я какой старики, — продолжалъ онъ, — а кормлю жену, да не оставляю и дочку, пока не оставляютъ меня добрые люди“.

— Ну а каковъ въ прежнее время, когда ты былъ молодъ, былъ Саратовъ?

— И, батюшка! И похожаго-то нѣтъ! То и былъ Саратовъ, только что по берегу Волги. Сергіевская улица была главная. А что теперь на верху, того и въ поминѣ не было. Тамъ не было ничего. Церквей всего было только три: Михаила Архангела, Старій Соборъ, да церковь Преображенія на берегу Волги, за оврагомъ. Помню я, батюшка, и Пугача. При Пугачѣ былъ

я 10-ти годочковъ всего. Отецъ мой, Иванъ Игнатьевичъ Шарыпкинъ, умеръ 120 лѣтъ, бабушка Лукерья Васильевна жила тоже около 120 лѣтъ и работала до самой смерти: а дѣдъ мой, Игнатій Алексѣевичъ, жилъ 150 лѣтъ и умеръ-то на ногахъ.“

Что же касается самого Никифора Иванова, онъ видимо еще здоровъ и довольно твердъ, ходить не жалуясь на усталость, говоритъ и разсуждаетъ здраво, только слабенекъ сталъ слухомъ. Онъ ни разу серьезно еще не болѣлъ. Хотя такие люди и рѣдки, но все таки значить есть. Не обо всѣхъ конечно извѣстно.

настоящее время, впрочемъ, генералъ Бонэ, главный начальникъ экспедиціи, прибыль въ Ханой; оборонительные работы въ Гайфонгъ окончены, а укрѣпленіе Намъ-Динга и Ханоя "быстро" идутъ впередъ; сообщенія Ханоя съ окрестной французской территоріей возобновлены и какъ только прибудетъ подкѣплѣніе въ 3,000 солдатъ, то немедленно же начнется наступленіе на Сунь-Тэй, гдѣ аннамиты сосредоточились въ наибольшемъ числѣ и хорошо укрѣпились. Не смотря, однако, на все эти энергическія приготовленія, англичане увѣрены въ томъ, что "Тонкинское предпріятіе" не принесетъ ни много славы, ни много выгодъ Франціи. По ихъ мнѣнію, если Китай приметъ какое либо участіе въ сопротивленіи Аннама, то можетъ возникнуть продолжительная война, такъ какъ нынѣшній Китай, относительно вооруженія, не имѣтъ ничего общаго съ прежнимъ, а, въ случаѣ войны Китая и Франціи—Англія не останется пассивной, не допустить блокады китайскихъ портовъ французами. Колоніальная политика вынудила Францію къ образованію и колоніальной арміи. Надѣ этимъ проектомъ работали морской министръ, сенаторъ Брень и военный министръ Тибодэнъ. Согласно ихъ проекту, армія эта будетъ состоять изъ 107,000 ч.: изъ экспедиціонного отряда въ 7200 ч., всегда готоваго къ выступленію въ походъ, изъ 9-го армейскаго корпуса въ Алжирѣ въ 65,000 ч., 22,000 морской пѣ-

хоты и артиллеріи и 7,200 туземныхъ морскихъ войскъ (Сенегаль, Аннамъ и Тонкинъ); кромѣ того будетъ сформированъ второй сенегальскій полкъ и полкъ креоловъ изъ волонтеровъ острововъ Соединенія, Мартиники, Гваделупы и Гвіаны. Для организаціи этой арміи правительство испрашиваетъ 10,000,000 франковъ, но вѣроятно, кредитъ возрастетъ и до 25,000,000 франковъ; въ Алжирѣ будетъ постоянно находиться 25,000 войска, въ Тунисѣ—10,000, для остальныхъ же колоній предполагается гарнизонъ, въ общей сложности, не менѣе 25,000. По поводу колоніальной политики, о которой мы только что говорили выше, прибавимъ, что, какъ оказывается, французскій посланикъ въ Китаѣ, Трику предлагалъ Японіи союзъ съ Франціей противъ Китая; но Японія отклонила это предложеніе. Во Франціи происходитъ агитация въ пользу амнистии анархистовъ, осужденныхъ за Монсо-ле-минскіе подвиги. Въ Парижѣ было нѣсколько демонстрацій, въ Рубэ толпа анархистовъ въ 300 ч. пыталась ворваться въ ратушу, причемъ ранили тяжело полицейскаго комиссара, но шестеро изъ бунтовщиковъ арестованы. Въ Парижѣ, на національномъ праздніѣ, также не обошлось безъ ихъ демонстрацій.

Мароккскій султанъ далъ испанской комисіи разрешеніе изслѣдовать западный берегъ его государства на 100 миль къ югу отъ Могадора, для устройства испанской гавани.

Библіографія.

Библіотечка Ступина. 10 книжекъ съ рисунками Панова, Касаткина и друг., гравир. Панемакеромъ, Ращевскимъ, Ермоловымъ. Спб. 1883 г. Изящно изданный и очень мило составленный книжки. Нельзя не рекомендовать этихъ хорошеныхъ книжекъ для всѣхъ имѣющихъ надобность въ чтеніи для дѣтей младшаго возраста. Стихи разныхъ извѣстныхъ поэтовъ подобраны очень толково, а написанныя вновь г. Пановымъ и другими, совершило удовлетворяютъ назначению. Мы не думаемъ только, чтобы такія вещи какъ Шемяка, берущій взятки и скряга, глотающій червонцы, были бы очень поучительны для маленькихъ дѣтей. Анекдоты, народные рассказы и присловья составлены разумно и съ знаніемъ дѣла.

Принцъ и нищий. Романъ М. Твена. Для юношества всѣхъ возрастовъ. Спб. 1883 г. Вотъ тоже прекрасно изданная книга съ хорошими рисунками въ текстѣ, взятыми изъ англійского подлинника. Рассказъ весьма интересный, и переводъ сдѣланъ тщательно, хотя трудно согласиться, чтобы содержаніе его было попято и интересно для юношества всѣхъ возрастовъ (?).

Вся эта странная исторія съ рисунками инквизиціонныхъ костровъ, побитаго, заключенного въ тюрьму принца и т. п. производить впечатлѣніе не очень удачнаго вымысла; много натянутыхъ мѣстъ и очевидно не могшихъ имѣть мѣсто положеній. Есть книги, быть можетъ, болѣе стоящія такого изданія и перевода.

Застрѣлщики. Повѣсть К. Случевскаго Спб. 1883 г. Изъ послѣднихъ прозаическихъ произведеній нашего плодовитаго поэта это наиболѣе удачное, особенно по замыслу. Задумано оно прекрасно и могло бы служить материаломъ для большаго интереснаго романа какомунибудь автору-мастеру плодить страницы. Здѣсь же, это мѣстами производить впечатлѣніе наброска, мѣстами—программы романа. Слишкомъ скжато и кратко и не достаточно рельефно написанныя сцены, оставляютъ желать многаго, такъ какъ талантливый замыселъ самъ по себѣ уже увеличиваетъ требовательность въ читателѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не рекомендовать эту прекрасную вещь всѣмъ любителямъ чтенія.

Смѣсь.

Молочное море. — Довольно часто наблюдалось матросами въ нѣкоторыхъ частяхъ океана особое странное окрашиваніе, придававшее морю название молочного. Что же касается до объясненія этого явленія, то оно дѣжалось различно. Иные приписывали его дѣйствію электричества, въ часы предшествующіе бурѣ; другіе—химическимъ соединеніямъ, происходящимъ отъ разложения тѣлъ морскихъ живыхъ организмовъ и растеній, и производящимъ такъ называемую фосфоресценцію; наконецъ, третіи—икрѣ, выметываемой на поверхность воды и могущей свѣтиться, вслѣдствіе массы рыбы, движущейся вокругъ. Однако, ни одно изъ этихъ предположеній не только не было подтверждено опытомъ, но, наоборотъ, послѣдній показалъ, что молочный цветъ море принимаетъ отъ чудовищнаго скопленія маленькихъ животныхъ, способныхъ свѣтиться фосфорическимъ блескомъ самопроизвольно или вслѣдствіе тренія. Послѣднее наблюденіе этого рода было сдѣлано на бортѣ французскаго броненосца "Арелида" на пути его въ Японію, недалеко отъ Адена. Утромъ 10 февраля 1880 года, при совершенномъ чистотѣ небѣ, западная часть горизонта, куда шелъ корабль, прияла такой блескъ, что обратила на себя вниманіе офицера, стоявшаго на кормѣ. Сначала онъ подумалъ, что блескъ происходитъ отъ большаго числа звѣздъ, появившихся на небѣ, но такъ какъ свѣтъ усилился, то онъ оставилъ это объясненіе. Черезъ полчаса, море оказалось покрытымъ на большомъ пространствѣ слоемъ бѣловатой пѣни. Свѣтившееся молочнымъ блескомъ, оно казалось полемъ, покрытымъ чистымъ, бѣлымъ снѣгомъ, ночью. При этомъ на его поверхности не было замѣтно никакихъ волнообразныхъ движений и казалось оно ровнымъ и спокойнымъ какъ въ затишье. Никакого слѣда не оставляя также на поверхности моря и корабль, продолжавшій неизмѣнно двигаться. И блескъ не ограничивался самой поверхностью воды, но проникалъ и въ глубь ея, на значительную толщину. Въ то же время онъ усиливался и усиливался; наблюдателю казалось, что корабль не двигается, но стоитъ на одномъ мѣстѣ, какъ бы затертымъ во льдахъ. На разсвѣтѣ явленіе это прекратилось. Когда же путешественники ближе присмотрѣлись къ водѣ, рябившейся вокругъ корабля, они увидѣли большое число свѣтящихся тѣлъ, тѣсно-соприкасавшихся одно съ другимъ. Вынутыя изъ воды и растираемыя между руками, тѣлца эти издавали особый блескъ. При свѣтѣ лампы, они представлялись въ видѣ клѣйкаго вещества, быстро сохнувшаго на воздухѣ и исчезавшаго, оставляя по себѣ темный шарикъ въ одинъ миллиметръ въ диаметрѣ, слѣдовательно, чрезвычайно маленькій. Шарикъ этотъ

могъ быть вновь вызванъ къ жизни, смоченный каплею воды. Продѣненный по рукѣ, онъ оставлялъ блестящую полосу, скоро исчезавшую. Подъ сложнымъ микроскопомъ шарики эти оказывались прозрачными, наполненными овальной формы яичками и безпрестанно производившими движение своими щупальцами и рѣсничками. Явленіе повторялось нѣсколько ночей сряду.

Видѣнія и обманы чувствъ. Явленія эти, какъ и все другое, входятъ въ область научныхъ изслѣдований и наблюдений. Происходятъ они отъ извѣстныхъ разстройствъ въ мозгу и нервной системѣ, а потому, чаще всего встречаются у нездоровыхъ людей. Видимая реальность нѣкоторыхъ иллюзій бываетъ иногда такъ велика, что нѣть ничего удивительнаго, если они приписываются сверхъестественнымъ причинамъ людьми, незнакомыми съ нервной физиологіей. Даже и при нормальномъ состояніи всѣхъ способностей, мы представляемъ себѣ иногда предметы съ такою ясностью, какъ если бы они находились передъ нами. Изслѣдованіе показываетъ, что иллюзіи всегда имѣютъ извѣстное материальное основаніе. Ощущенія наши передаются отъ органа, получающаго ихъ, мозгу, и потому мозгъ, а не самый органъ, опредѣляетъ ихъ и является мѣстопребываніемъ для нихъ. По отношенію къ зрѣнію, напримѣръ, роль глаза заключается въ получении лучей, исходящихъ отъ предмета, и такомъ приспособленіи, чтобы они произвели извѣстное впечатлѣніе на мозгъ. Глазъ изображаетъ собою чечевицеобразныя стекла фотографического аппарата; мозгъ же соответствуетъ чувствительной пластинкѣ, получающей изображеніе, на которой и отпечатываются всѣ его послѣдующія измѣненія. То же самое происходитъ между мозгомъ и другими органами чувствъ. Теперь, если на мозгъ будь произведено какимъ либо инымъ путемъ впечатлѣніе, подобное тому, которое передается ему извѣстнымъ органомъ, то получится одно и тоже ощущеніе. Какъ разъ это и можетъ случиться, если мозгъ находится въ возбужденномъ или раздраженномъ состояніи, вслѣдствіе болѣзни или какихъ либо другихъ причинъ. И этого совершенно достаточно для объясненія всѣхъ вышеупомянутыхъ явлѣній. Видѣнія могутъ часто вполнѣ соответствовать нашимъ прежнимъ опытамъ и изображать собою, такимъ образомъ, извѣстные намъ предметы. Иногда, однако, образы видѣній оказываются незнакомыми. Это значитъ, что они относятся къ предметамъ, нѣкогда нами видѣнными, но которые мы помнимъ неясно. Видѣнія могутъ быть, слѣдовательно, названы продуктами нашего воображенія, которое, вслѣдствіе извѣстныхъ мозговыхъ разстройствъ, можетъ передавать ихъ въ мѣста чувственныхъ восприятій. Примѣромъ можетъ

служить звонъ въ ушахъ, слишкомъ хорошо всѣмъ намъ известный и происходящій отъ нѣкотораго раздраженія слухового центра мозга.

Курьезный случай изъ жизни знаменитой Рашели, любившей пустить пыль въ глаза, но вмѣстѣ съ тѣмъ, очень неохотно открывавшей свой кошелекъ для покрыванія расходовъ, требуемыхъ ея роскошнымъ образомъ жизни.

Любимымъ удовольствіемъ талантливой артистки были большия, парадные обѣды, на которые собирались члены аристократіи, духовенства и финансовые тузы, вмѣстѣ съ разными литературными и музыкальными знаменитостями.

Въ одинъ изъ такихъ пріемныхъ дней, когда, между прочимъ, были розосланы пригласительныя карточки: Неаполитанскому герцогу Санть-Теодоро, принцу Вальдекскому, герцогу де-Ноалль, Скрибу, Оберу, Понсару, Ожье и многимъ другимъ высокопоставленнымъ и известнымъ личностямъ, Рашели захотѣлось отличиться на славу изящной сервировкой стола и изысканностью меню и она рѣшилась сдѣлать сама нѣкоторая покупки, не вполнѣ довѣряя умѣнію и честности своего новаго метръ-д'отеля.

Рано утромъ, щегольская карета, запряженная парой чудесныхъ рысаковъ, подкатила къ подъѣзду дома, где жилъ, известный въ то время, критикъ и рецензентъ Н.—большой другъ Рашели, и, черезъ нѣсколько минутъ въ его кабинетъ влетѣла она сама со строгимъ приказаниемъѣхать съ ней по магазинамъ. Дѣловой человѣкъ, заставленный журналами и газетами, заранѣе зная, что всякое сопротивление безполезно, тотчасъ же молча послѣдовалъ за своей ка-призной гостьей и менѣе чѣмъ черезъ полчаса, ея экипажъ уже останавливается въ Палэ-Рояль, у магазина Шевэ, известного всему миру своими тонкими винами, фруктами и разными гастрономическими произведеніями.

Шевэ, постоянный поставщикъ М-ле Рашели, тотчасъ бросился ей на встрѣчу, и желая особенно угодить разборчивой и всѣмъ недовольной посѣтительницѣ, торжественно вышелъ изъ сосѣдней компаніи великолѣпный, душистый ананасъ.

— Ахъ какая прелесть, обрадовалась Рашель, сколько онъ стоитъ, monsieur?

— О, сущіе пустяки, madame, всего 70 франковъ.

Дѣло было какъ разъ въ 1849 году, когда общество какъ-то притихло; парадные обѣды и ужины давались очень рѣдко и потому ананасы, привозимые съ Антильскихъ острововъ небольшими партіями, продавались чуть ли не на вѣсъ золота.

— 70 франковъ! ужаснулась артистка, принимая одну изъ сгомыхъ самыхъ трагическихъ позъ; но вѣдь болѣе чѣмъ глупо заплатить такую сумму за вещь, которую сейчасъ же и сѣдѣть! Нѣть, я рѣшительно не въ состояніи кормить михъ гостей такими дорогими вещами, но знаете что, monsieur, я все таки возьму у васъ эту ананасъ; пускай онъ сегодня украшаетъ мой обѣденный столъ, а завтра вы получите его обратно цѣлымъ и невредимымъ! Согласны вы на такое условіе?

Шевэ согласился и только въ душѣ посмѣялся надъ новой выходкой своей экспрессионистической покупательницы.

Насталъ вечеръ. Пробило 8 часовъ и хозяйка, съ торжествующимъ видомъ, повела своихъ гостей въ столовую. Обѣдъ былъ, по обыкновенію, великолѣпенъ, а столъ, накрытый блескѣющей скатертью и убранный массивнымъ серебромъ, севрскимъ фарфоромъ и божемскимъ хрусталемъ, эффектно выдѣлялся въ ярко освещенной комнатѣ.

Въ самой срединѣ стола, между тортами и пирамидами фруктъ и конфетъ, на изящной вазѣ красовался, взятый на прокатъ, ананасъ, и его тонкій ароматъ, сливаясь съ запахомъ цветовъ, пріятно щекоталъ обоняніе присутствующихъ.

Но, странное дѣло! Обѣдъ уже подходилъ къ концу, а хозяйка, всегда такая радушная, на этотъ разъ даже не позабыла никому предложить ананаса и онъ рисковалъ такъ и простоять не-tronутымъ.

Наконецъ, знакомый намъ критикъ Н. рѣшился прервать неловкое молчаніе и, обращаясь къ своему сосѣду, герцогу де-Ноалль, спросилъ его, не время ли приступить къ ананасу.

— Вы правы, mon cher, давно, давно пора, весело воскликнулъ герцогъ.

Послѣ такого неожиданного оборота дѣла, хозяйкѣ конечно ничего болѣе не оставалось, какъ съ натянутой улыбкой, начать разрѣзывать ананасъ и только выразительный взглядъ, украдкой брошенный на коварнаго друга, моментально далъ ему понять, что онъ никогда не будетъ прощенъ.

Дѣйствительно, хотя послѣ траги-комического прописствія съ ананасомъ М-ле Рашель и давала еще много своихъ роскошныхъ обѣдовъ, но съ тѣхъ поръ злополучный критикъ, такъ некстати захотѣвшій полакомиться запрещеннымъ плодомъ, уже ни разу не былъ въ числѣ приглашенныхъ.

Королева Елизавета и купецъ Грэшамъ. Изъ вѣстенъ разсказъ о томъ, какъ Клеопатра вѣдѣла истолочь жемчужину необычайной цѣны и выпила ее въ кубкѣ вина (она поспорила съ Антоніемъ—кто изъ нихъ придумаетъ болѣе дорогое блюдо). Менѣе известно, что подобный же случай произошелъ въ 1693 г. въ Лондонѣ. Въ томъ году въ Англію прибылъ одинъ флорентинскій купецъ, привезшій съ собой для продажи очень дорогую жемчужину.

Онъ предложилъ ее королевѣ Елизаветѣ за 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Королева, любившая роскошь до того, что для каждого дня въ году имѣла особый парадный туалетъ, однако не рѣшилась заплатить такой значительной суммы, отвѣтивъ, что охотно бы купила жемчужину, но что у нея не хватаетъ на то средствъ. Флорентинецъ былъ очень раздосадованъ. „Не къ чему мнѣ было и въ Англію прїѣхать,—говорилъ онъ—если ужъ тутъ и у королевы денегъ нѣть! Въ Испаніи каждый грандъ въ состояніи былъ бы купить у меня эту жемчужину!“ Слова эти разошлись по городу и скоро достигли до слуха богатаго лондонскаго кораблестроителя Тамаса Грэшама, который тотчасъ же, не торгуясь, купилъ у флорентинца его драгоценность, съ просьбой доставить ее ему на другой день, въ назначеннное время. Итальянецъ, явившись въ условленный часъ, нашелъ Грэшама, съ его друзьями, за обѣдомъ; отсчитавъ купцу деньги, хозяинъ пригласилъ его отѣбѣдать. По окончаніи обѣда, Грэшамъ взялъ жемчужину, растолокъ ее, среди общаго изумленія гостей, въ поданной ему ступкѣ, въ порошокъ и высипалъ въ стаканъ съ виномъ. Затѣмъ, поднявшись съ своего мѣста, онъ произнесъ нѣсколько словъ въ честь королевы и осушилъ бокалъ за ея здоровье. „А теперь,—сказалъ онъ, обращаясь къ флорентинцу,—поѣзжайте назадъ въ Италию и Испанію и если будете говорить о бѣдности нашей королевы, то помните, что она достаточно богата и могущественна, чтобы имѣть подданныхъ, которые въ состояніи выпить за здоровье своей великой королевы жемчужину, подобную вашей“. Королева, конечно, узнала о такомъ поступкѣ Грэшама и, пригласивъ его къ себѣ, благодарила за то, что онъ такъ по рыцарски вступилъ за свою королеву.

Королевскій рыцарь. При коронованіи англійскихъ государей до сихъ поръ существуетъ обыкновеніе, въ силу котораго, въ то время, что король сидѣтъ за обѣденнымъ столомъ въ Вестминстерѣ,—появляется рыцарь, на высокомъ конѣ, въ полномъ вооруженіи, съ опущеннымъ забраломъ и, чрезъ своего герольда, возищаетъ, что вызывается на бой всякаго, кто оспаривалъ бы права короля (или королевы) на корону; затѣмъ онъ бросаетъ свою боевую перчатку; король, по выполненіи всей формальности этой, высыпаетъ ему золотой кубокъ вина; рыцарь выпиваетъ вино, а кубокъ остается ему въ видѣ почетной награды.

Проба краснаго вина. Поддѣлка и разбавка вина сдѣлали въ настоящее время, къ сожалѣнію, такие успѣхи и настолько повсюду распространились, что каждая бутылка вина возбуждаетъ естественное подозрѣніе. Рѣдко бываетъ возможнымъ открыть фабрикацію, однако нѣкоторые способы все таки существуютъ. Такъ, напримѣръ, очень простъ способъ пропырки краснаго вина. Для этого надо взять четырехъугольный кусокъ обыкновенного мыла и пустить на него нѣсколько капель подвергаемаго испробованію краснаго вина, вслѣдствіе чего получаются немедленно же разнообразные и весьма характеристичные оттѣнки. По большей части совершино достаточно и одной только капли, чтобы открыть въ винѣ поддѣлку. Капля настоящаго вина даетъ коричневый или грифельно-серый цвѣтъ, всѣ же остальные оттѣнки служатъ только указаниемъ подкраски или разбавки; присутствіе черники, напримѣръ, узнается лилово-голубымъ оттѣнкомъ, въ который капля окрашивается мылью; мальва окрашиваетъ мыль въ чисто-голубой или зеленый, или же въ оба цвѣта разомъ, расположенные одинъ около другаго.

Рѣшеніе ребуса задачи № 29.

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Не на небѣ—на землѣ
Жилъ стариkъ въ одномъ селѣ.

Вѣрнѣя рѣшенія этого ребуса присланы отъ Г. г. Спб.—Каррикъ, Итцигсонъ, Ш—кова, Мюле, Маржанова, Блауштейнъ, Левшина, Смирнова, Бутенко; Москва—Матвѣева, Карасева, Бланкенфельдъ, Аксенова, Паксимади, Емельянова, Гесперъ, Вальцовъ, Игнатьевъ, Ярлова, Брылкинъ; Арзамасъ—Чичерова, Рачкова; Бахчисарай—Дренджи, Бологое—Тарасова, Б. Коровино—В. К. Терского, Бронницы—Артемова, Бѣжецъ—Вейнъ, Гродно—Вейманъ, Дисна—Иванова, Елецъ—Криворотова, Екатеринодаръ—Сербина; Ковно—Одле, Коломна—Михалевской, Кронштадтъ—Вербицкаго, Лебедянь—Чурикова, Михайловъ—Мельгуновой, Н. Новгородъ—Золотилова, Ораненбаумъ—Матвѣевой, Орша—Каганъ, Пенза—Кронштадтъ, Почѣ—Фесютина; Псковъ—Нолинскаго; Раненбургъ—Ольманъ, Ростовъ—Поцѣлухова, Севастополь—Лихотинскаго, Симферополь—Смирнова, Смѣла—Кольде, Сызрань—Соколовской, Іевлевой; Торжокъ—Кисельникова, Тула—Соколовъ, Углич—Истомина, Холмъ—Елагина, Царицинъ—Лейтингеръ, Цивильскъ—Кубатовой.

Рѣшеніе задачи мозаики № 30.

Вѣрнѣя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г. г.: Спб.—Янковской, Петина, Замысловой, Свержевской; Москва—Телетова, Волкова, Торопова; Бахчисарай—Дремджи, Винница—Говядина, Елецъ—Валуйского, Крючково—Васильевой, Красное село—Смирятинъ, Кременчугъ—Скоропадскаго, Н. Новгородъ—Шумкина, Никольское А—ва, Нытва—Хлакова, Севастополь—Грушки, Слуцкъ—Харлампиевича, Сызрань—Іевлевой, Татарка—Маликова, Тула—Бестужева-Рюминна.

О ПЕРЕМЪНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ

ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ

(Русский Шампунь).

Главный складъ въ С.-Петербургской химической лаборатории Ф. Линде, Невскій пр., № 23.

Подробное объявление помещено въ „Нивѣ“ въ № 21. № 2657 10—8

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

2-е ИЗДАНІЕ КНИГИ СПЕНСЕРА:

„Воспитаніе умственное, нравственное и физическое“. Перев. Е. А. Сысоевой. Ц. 85 коп. Складъ изд. въ ред. „Родника“, Никольская площадь д. № 4. № 2719 2—2

отъ женской классической гимназии

С. Н. ФИШЕРЪ.

(Москва, Остоженка, домъ Бутикова).

5 мая текущаго года окончили испытание зрѣлости и получили аттестаты 12 воспитанницъ (выпускъ пятый): Зинаида Шамонина (золотая медаль), Надежда Георгиевская (серебряная медаль), София Георгиевская (серебряная медаль), Евгения Макарова (серебряная медаль), Анна Назарова (серебряная медаль), Анна Болтина, София Кесслеръ, Анна Иванцова, Екатерина Кузнецова, Ольга Поливанова, Александра Положенцева и Анна Потѣхина.

ПРИЕМНЫЙ ИСПЫТАНИЯ 22 АВГУСТА.

Воспитанницы принимаются приходящими и пансионерками. № 2743 2—1

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШ. МОРСКАЯ № 9.

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ, Всеволода Соловьевъ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ“).

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшениями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. ино-город. 3 р. 50 к., въ красивомъ каленковомъ переплѣтѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнымъ новымъ подписчикамъ на „НИВУ“ 1883 г., не читавшимъ „Вольтерьянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ приобрѣтеніе этой интересной книги, мы отпустимъ имъ это новое изданіе сброшюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 р.; въ каленкор. переплѣтѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы“, въ Больш. Морской, д. № 9; и въ Москвѣ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“ у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, въ Петровск. линії,— а также можно найти эту книгу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ВѢНСКАЯ МЕБЕЛЬ

гнутая изъ цѣльного бука:
стулья, кресла, качалки, скамейки и проч.

СКЛАДНАЯ ЖЕЛѣЗНАЯ КРОВАТИ

матрасы, умывальники и беда.

МЕБЕЛЬ

гостинная отъ 75 р. до 250 р.,
будуарная отъ 35 р. до 160 р. смотря по отдѣлкѣ.

Иллюстрированный каталогъ высыпаю желающимъ по получению 21 коп. почтовыми марками, во всѣ мѣста Россіи. Р. № 2734

В. ФРИЦЪ, КОНТОРА МЕБЕЛИ

Малая Морская № 16, СПБургъ.

Самый больший и разнообразнѣйший складъ земледѣльческихъ машинъ и орудій.

ДЕЛО МАШИНЪ ЭДФЛУГЪ

Немедленное и добросовѣстное исполнение заказовъ для провинціи. Специальные иллюстрированные каталоги по востребованію бесплатно.

С.-Петербургъ: Вознесенскій проспектъ, № 11.

Пробная станція машинъ и постоянная выставка: Петровскій паркъ, домъ Санть-Галли.

Москва: У Красныхъ воротъ, домъ Раузера.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. И. Либерихъ (съ портр.).—Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣй). Историч. романъ Всеволода Соловьевъ. Часть первая. (Продолженіе). Гл. XVII и XVIII.—Талисманъ. (Изъ быта лапландцевъ). Рассказъ Карла Мей. (Окончаніе).—Стихотворенія П. Гнѣдича и Д. С.—Производство изъ отбросковъ. Очеркъ Ф. Шпильберга.—Изъ каменноугольного периода. Очеркъ И. Штанде.—Во ржи (съ рис.).—Раненый (съ рис.).—Деревенскій разночинъ (съ рис.).—Источникъ близъ Мишаки, въ Крыму (съ рис.).—Заводъ „Гамбринусъ“ (съ рис.).—Старинъ 122 лѣтъ отъ роду (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Смѣсь.—Рѣшеніе ребуса задачи № 29.—Рѣшеніе задачи мозаики № 30.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

УПРАВЛЯЮЩІЙ ИМѢНИЕМЪ,

уроженецъ здѣшній, который заграницею этимъ дѣломъ специально занимался и русскій языкъ хорошо знаетъ, ищетъ мѣсто въ Россіи. Подробный адресъ узнать въ редакціи Нивы.

№ 2726 2—2

Первая Русская Школа для изученія зубоврачебного искусства Ф. Важинскаго. Принимаетъ слушателей обоего пола.—Курсъ 2½ года. Стоимость всего курса 240 руб. Плата по полугодію впередъ. Учебный годъ начинается съ 6-го Сентября.

Адресъ: Гороховая домъ № 16, Учредителю школы Ф. И. Важинскому—въ СПБургъ. № 2733 5—1

Новое Позорѣніе

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейные машины, которая кроме извѣстныхъ работъ выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ чрезъ край. Подробный прейс-курантъ и пробные петли высылаются бесплатно.

А. ШТЕЙНЪ, С П. Б.

Вознесенскій проспектъ д. № 21.
№ 2615 10—5

Издание А. Ф. Марка. СПБ. Б. Морская д. № 9. СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ.

Исторический романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, Всеволода Соловьевъ. Большой томъ въ 8—всего 672 стр., печатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньет.

Романъ этотъ служитъ началомъ печатанного въ „НИВѢ“ романа „Вольтерьянца“, цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригинальномъ каленкоровомъ переплѣтѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

БУДИЛЬНИКЪ.
Открыта подписка на 2-е полугодіе.
(№№ 26—50).

Въ Москвѣ безъ доставки 4 руб.
съ доставкою 4 " 50 к.

Съ пересылкою иностраннымъ 5 "

Годовая подписка продолжается и новые подписчики получаютъ журналъ съ 1-го №, при чемъ, въ видѣ бесплатной преміи, имъ высылается романъ Золя „Дамское счастье“, большой томъ, съ портфетомъ и биографіей автора.

Годовые подписчики платятъ:

Въ Москвѣ безъ доставки 7 руб.

съ доставкою 8 "

Съ пересылкою въ С.-Петербургъ и провинціи 9 "

Желающие получить „Альманахъ“ Будильника, приплачиваютъ 3 р. II. № 2732 2—1

Отъ реального училища

К. Н. Мазинга въ Москвѣ.

(Между Вознесенкой и Знаменкой, Ваганьковскій переулокъ, домъ Куманина). Въ маѣ сего года подвергались экзамену и удостоены аттестата обѣ окончаній курса реального училища 10 учениковъ; кроме того 11 учениковъ химико-техническаго отдѣленія получили свидѣтельства обѣ окончаній курса дополнительного класса.

Ученики всѣхъ классовъ пользуются правами казенныхъ реальныхъ училищъ.

Воспитанники принимаются приходящими и пансионерами. Училище состоитъ изъ 6 нормальныхъ классовъ, дополнительного съ двумя отдѣленіями: общимъ и химико-техническимъ и приготовительного класса.

Ц. № 2738 3—1

Страхование жизни.

Подробная свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхования жизни, приданаго, пенсіи и т. п. можно узнать изъ брошюре (книжекъ) Страхового Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургъ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи.

№ 2482

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ:

въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, № 17 и 18;

продаются слѣдующія книги:

Полный курсъ	РУКОВОДСТВО
Коммерческой Бухгалтеріи	Коммерческихъ и финанс. вычислений
II. И. Рейнбота.	II. И. Рейнбота.
Изд. 2-е. 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.	2-е изд. 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Отличаясь полнотой и ясностью изложения, сочинение это имѣетъ передъ другими курсами бухгалтеріи то преимущество, что въ немъ излагается веденіе книгъ не только чисто-торговыхъ, но и банковскихъ и, кроме того, разматривается не одинъ, а всѣ виды двойной бухгалтеріи.

СБОРНИКЪ СВѢДѢНІЙ
о процентныхъ бумагахъ въ
Россіи, (фондахъ, акціяхъ
и облигацияхъ). Соч. Гейле-
ра, съ атласомъ таблицъ.
Руководство для помѣщенія
капиталовъ. Ц. 5 р., съ
перес. 6 р.

МАГАЗИНЫ
ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ
ПАВЛА БУРЕ,
поставщика
Высочайшаго Двора
официала
при кабинетѣ Его Величества
ТЕХНИКА ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА
часовыхъ дѣль мастеровъ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ФЛОТА
и
Е. И. В. Великаго Князя
КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

Въ С.-Петербургѣ:
На Невскомъ пр., д. № 23.
Въ Москвѣ:
На углу Кузнецкаго моста и Рождественки,
д. Торлецкаго.
Подробные иллюстрированные прейс-куранты
высылаются по востребованію бесплатно.
№ 2724 3—2

КРАСОТА и НѢЖНОСТЬ ЛИЦА!

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЬ

косметика

А. ЭНГЛУНДА.

Вѣрное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, морщинъ, шероховатости и проч.; чрезвычайно освѣжаетъ и придаетъ юношескую свѣжестъ. Это единственное вѣрное средство отъ веснушекъ и загара. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подпись: "А. Энглундъ" красн. чернилами. Цѣна каждой банки 1 руб., съ пересылкою — 1 р. 75 к., 2 банки 3—р. Получать можно: въ русск. общ. торг. аптек. товар.—Казанская, 12; А. Рузановъ—Гостинный Дворъ, 40, и во всѣхъ извѣстн. аптек. и парф. торг. Всероссийской имперіи.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ:
СПБ. А. ЭНГЛУНДЪ—М. Итальянская, № 3.

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ
для

РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всѣми любителями рыбной ловли, съ успѣхомъ примѣнѣмъ во всякое время года и для всякой рыбной ловли, замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну, и устроенъ такъ, когда рыба хватаетъ наживу, то крючокъ механически задѣваетъ ее за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Цѣна 60 коп., съ пересылкой отъ одного до шести экземпляровъ прибавляется 40 к. Единственный складъ: магазинъ бумаги П. Ф. Карапаева, Невскій просп., Милитинъ рядъ, № 18, С.-Петербургъ. Большой выборъ англійскихъ принадлежностей для рыбной ловли. Прейс-курантъ высылается за 7 к. марку.

НОВОСТЬ!

Микроскопъ, цѣна 30 к., съ пер. 60 к.
Выписывающіе самодѣйствующій подсѣкатель, прибавляютъ за микроскопъ только 30 коп. № 2729 2—2

ЛЕОНИДЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ГОРЛЕНКО

Исполняетъ порученія по продажѣ, покупкѣ и залогѣ имѣній, домовъ и аптекъ, за умѣренное вознагражденіе. Москва, Большая Молчановка, д. Тюрина. № 2741 1—1

Дозволено цензурою. СПБ. 13 іюля 1883 г.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ

СЧЕТОВОДСТВО

П. И. Рейнбота.

8 д. л. Ц. 1 р., съ перес.
1 р. 25 к.

Способъ счетоводства, изложенный въ этомъ сочиненіи, весьма простъ и доступенъ каждому, никогда не обучавшемуся бухгалтеріи. Для сельскихъ хозяевъ книга эта весьма практика и полезна. Помимо теоретической части, въ ней помѣщены годичный сводъ, со всѣми для того книгами и реестрами.

ТАБЛИЦЫ ДЛЯ ВЫЧИСЛЕНИЯ процентовъ отъ 1 до 10 лѣтъ, составлены Ершовымъ. Настольная книга для каждого, имѣющаго дѣло съ вычислениемъ процентовъ. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

Каталогъ русскихъ книгъ Вольфа, большой томъ въ 8 д. л. Ц. 3 р., съ пересылкою 4 р.

БАНКОВОЕ

СЧЕТОВОДСТВО

П. И. Рейнбота.

8 д. л. Ц. 2 р., съ перес.
2 р. 25 к.

Книга эта заключаетъ въ себѣ полное руководство счетоводства коммерческихъ банковъ, основанныхъ на началахъ какъ акционерныхъ, такъ и на взаимномъ кредитѣ. Назависимо отъ теоретической части, здѣсь главнымъ образомъ обращено вниманіе на практическое примѣненіе всѣхъ способовъ.

ТАБЛИЦЫ ДЛЯ РАЗСЧЕТА денежныхъ суммъ, сост. Агаловымъ, по которымъ можно рассчитывать поденную плату пропорционально условленному вознагражденію. 8 д. л. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ФАБРИЧНОЕ

СЧЕТОВОДСТВО

П. И. Рейнбота.

8 д. л. Ц. 2 р., съ перес.
2 р. 25 к.

Сочиненіе это состоятъ изъ двухъ частей: теоретической и практической. Въ первой описаны общія или главныя специальныя книги, указано въ какихъ книга должны быть записаны различные операции, во второй подробно объяснено веденіе сложныхъ книгъ фабричного счетоводства по новѣйшимъ методамъ.

СЧЕТОВОДСТВО
розничной и мелочной
торговли

и ремесленныхъ заведеній.

П. И. Рейнбота.
8 д. л. Ц. 90 к., съ перес.
1 р. 15 к.

Цѣль этой книги—облегчить мелкимъ торговцамъ примѣненіе законовъ предписанного способа счетоводства къ ихъ торговлимъ дѣламъ. Книга написана яснымъ и точнымъ языккомъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣй, и даетъ всѣ необходимыя для торговца сведения, образцы веденія книгъ и т. п.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА
для купцовъ, инженеровъ и механиковъ; собраніе правилъ, таблицъ и др. полезныхъ свѣдѣній для лицъ занимающихся морской торговлей. Соч. Буттса, чар. Вахтина. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ
ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 Г.
Иллюстрированный Журналъ для семейнаго чтенія.
ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

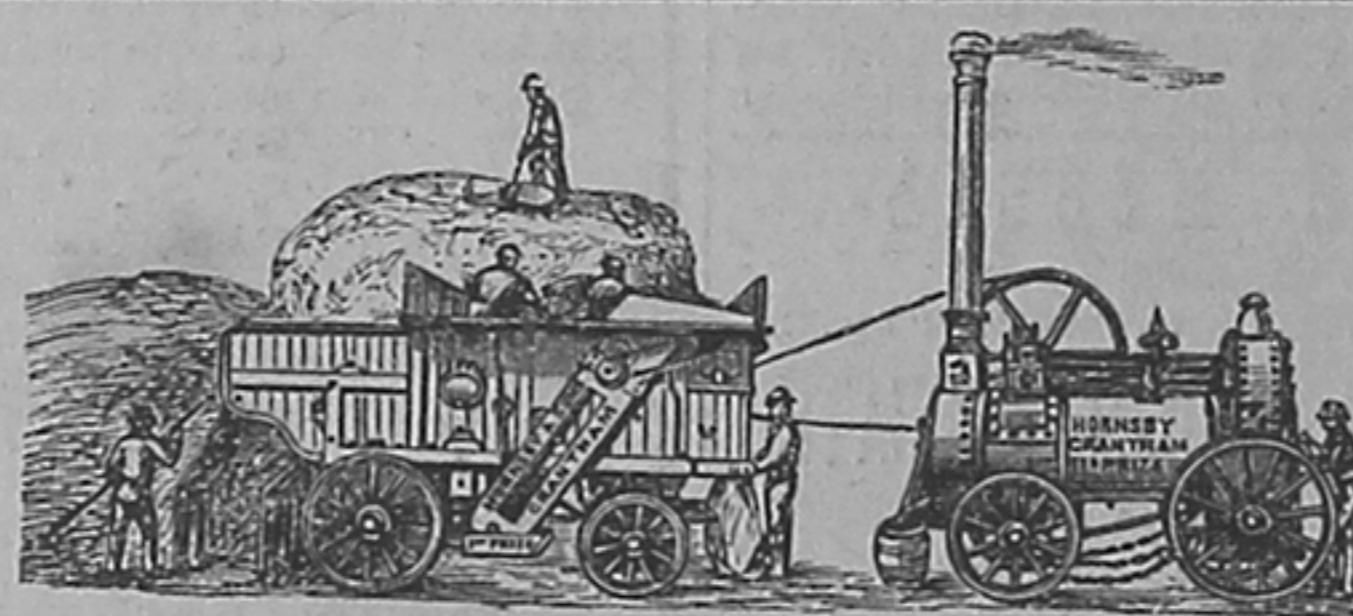
Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьевъ—"Вольтеръянецъ", больш. романъ Іокая—"Во время бури", больш. пов. Лебедева (Морского)—"Подъ землею", пов. Авсѣнко "Испанскій дворянинъ" и др. произвед. современн. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологии, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того **бесплатная ПРЕМІЯ**: большая олеографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. И. Якобія—"Дорогой гость".

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 " — "	Съ пересылкою 7 " 50 "

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала "НИВА".

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Минеральные воды. № 2412

ВЪ СКЛАДАХЪ МАШИНЪ
ГУСТАВА ЛИСТЬ, ВЪ МОСКВѢ,

по Софійской набережной, собствен. домъ и на Мясницкой ул., возлѣ Почтамта, имѣются въ наличии

ПАРОВЫЯ МОЛОТИЛЬНЫЕ МАШИНЫ

англійскаго завода Р. Горнсиби и сыновей въ Грентгемѣ, снабженныя всѣми новѣйшими улучшеніями конструкціи

по слѣдующимъ цѣнамъ:

- 1) 12-тисильный локомобиль съ молотилкой шир. 5½ ф., общій вѣсъ 685 пуд. 6.000 р.
- 2) 10 " " " 5½ " " 670 " 5.575 "
- 3) 10 " " " 5 " " 575 " 5.100 "
- 4) 8 " " " 4½ " " 500 " 4.525 "
- 5) 8 " " " 4 " " 490 " 4.450 "
- 6) 6 " " " 4 " " 440 " 3.925 "

Примѣчаніе: Гарнитуры 1 и 2 понимаются съ двухцилиндерными локомобилями. Цѣны: Со всѣми принадлежностями, не исключая главнаго ремня и съ доставкой на Московскую товарную станцію желѣзной дороги.

Всѣ молотилки имѣютъ соломотрясы, вѣлаки и сортировки и построены по особому заказу чрезвычайно прочно. Колеса желѣзныя.

При складѣ имѣются также всѣ прочія сельско-хозяйственные машины, какъ-то: жатвенные машины, сѣнокосилки, плуги, вѣлаки, вѣлаки-сортировки, ручныя молотилки, корчевальныя машины, дробилки, сѣвалки, сѣмнадцати прессы совсѣмъ новой конструкціи и пр. и пр. и пр.

№ 2711 5—4

6 разъ награждены первыми преміями.

СКРИПКИ

самая лучшая и дешевая, новѣйшихъ временъ, отъ 6—30 м., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 м. Альты, віолончели и басы. Смычки 1½—50 м. Футляры 3½—40 м. Цитры 16—300 м. Гитары 6—50 м. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Патентованная скрипка для упражненій (собств. изобрѣтенія). Мастерская для починокъ.

Реком. отъ Вильгельми, Саразате, Сора, Зингеръ и т. д. Гарантія. Переиздѣлыванія. Прейс-куранты—франко.

Братья Вольфъ, фабрика струнныхъ инструментовъ. Крейцнахъ. № 2735 2—2

Издание А. Ф. Маркса въ СПБургъ.

Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургъ.